

ГЮЛЬШАН ТОФИК ГЫЗЫ

**ПТИЦА СЧАСТЬЯ
ГНЕЗДА НЕ ВЪЕТ**

(рассказы)

Баку
«Нурлан»
2007

Гюльшан Тофик гызы. Птица счастья гнезда не вьет (рассказы). Баку, «Нурлан», 2007. – стр.

Новый сборник автора содержит более тридцати рассказов, которые, надеемся, как и предыдущие, вызовут интерес читателей.

$\frac{4602000000}{N(098) - 2007}$ *С грифом*

© «Нурлан», 2007

В РЯДУ ЛУЧШИХ

Когда я впервые открыл для себя Гюльшан Тофик гызы (а произошло это относительно недавно), мне стало ясно сразу – это Литература! И сейчас, заняв место среди ее постоянных читателей, могу утверждать без колебаний: Гюльшан Тофик гызы – талантливый писатель, настоящий художник, тонкий психолог, ироничный и мудрый человек.

Ее творчество – золотой фонд общечеловеческих ценностей. Оно потрясает: откуда эти сюжеты, эти слова, эти мысли? Проницательность Гюльшан-ханым феноменальна, а талант вне всяких сомнений. В ее рассказах я нашел ответы на многие вопросы, объяснение многим поступкам. Эти рассказы интересны тем, что описанные в них события словно происходят с нами, на наших глазах. Читая их, видишь перед собой живые картины, сопереживаешь героям, радуешься, огорчаешься. Тут и мы сами, и наши друзья, коллеги, знакомые. Это мир, окунувшись в который познаешь всю пестроту и разнообразие человеческих чувств, поступков, взаимоотношений, где все, в конечном счете, учит добру и заставляет задуматься о глубоком смысле жизни. Произведения читаются легко, без напряжения, от них невозможно оторваться, и часто возникает желание еще раз перечитать, что бы вновь ощутить тот незабываемый миг общения с героями замечательного автора, который может искренне рассмешить, взволновать и даже вызвать слезы.

Удивительный талант писательницы, в том, что пороки, недостатки людей она показывает через призму тонкого юмора, едкого сарказма, ее рассказы несут в себе глубокую мудрость, они до грусти правдивы, не-

навязчиво поучительны, вызывают массу эмоций. Не вызывают лишь одного – равнодушия! Вообще, по своим содержательным и художественным достоинствам рассказы Гюльшан Тофик гызы по праву сосуществуют с лучшими новеллами в литературе наших дней. Разбитое на мелкие осколки сердце превратилось в замечательные произведения: весело и грустно, мило и больно, заманчиво и досадно, изящно и жестоко, остроумно и неожиданно.

Я очень рад появлению новой книги с таким многозначительным названием. Уверен, что и эта книга Гюльшан-ханым станет большим подарком для читателей ее таланта и займет достойное место в ряду лучших. В этом я не сомневаюсь, потому что Гюльшан Тофик гызы – настоящий мастер художественного слова.

Алиев Э.А.

*доктор филологических наук,
профессор*

БОЛЬШОЙ МАСТЕР МАЛОГО ЖАНРА

Ехал я однажды в маршрутном такси, сжимая в руках один из номеров журнала «Литературный Азербайджан» за 2004 год. Путь мне предстоял долгий, от усталости клонило ко сну. Вот и принялся я листать журнал, дабы не уснуть. Это плохо помогало. Еще чуть-чуть – и дрема одолела бы окончательно. Но тут вдруг я дошел до рассказов Гюльшан Тофик гызы. Сон как рукой сняло! Всего-то там рассказов было четыре, но каких! Усталости моей как не бывало – я впился глазами в чарующие строки и вскоре откровенно хохотал над потрясающими историями, утирая выступившие слезы и вызывая недоуменные взгляды пассажиров.

Какой искрометный юмор, ирония и мудрость! – думал я, наслаждаясь мастерством автора. Это нечто особенное, совершенно иной уровень, отличный от большинства знакомых мне авторов.

Несколькими днями позже я поинтересовался в Союзе Писателей, кто же она, Гюльшан Тофик гызы. Мне тогда сообщили (как оказалось, ошибочно), что эта писательница живет в Германии, отчего я, помнится, приуныл. Ведь так хотелось познакомиться с человеком, пишущим столь замечательные рассказы... Оставалось лишь искать и читать новые рассказы этого автора, публикуемые в «Литературном Азербайджане» и других изданиях. С каждой новой прочитанной вещью мой интерес и симпатия к писательнице все крепили и крепили.

Прошло еще полгода, и на одном из творческих мероприятий в Союзе Писателей я заметил среди присутствующих некую незнакомую, но очень интересную даму. В какой же неописуемый восторг я пришел, когда

мне сказали, что это она и есть – Гюльшан Тофик гызы. Вот она, тут, ни в какой ни в Германии! С тех пор и продолжается наше знакомство, отчего я счастлив безмерно – ведь общение с людьми, обладающими талантами, которые присущи этой женщине, само по себе подарок судьбы.

Многими качествами поражает меня Гюльшан-ханым, поражает и как читателя, и как пишущего человека. В первую очередь мне нравится язык ее повествований, манера изложения – они безупречны. Во-вторых, это разнообразие: юмористические новеллы, сатирические, фантастические, драматические и даже трагические истории.

Притчи и сказки – это вообще отдельный разговор. Сколько в них мудрости и прозорливости! Эта женщина может не только рассмешить, но и расстроить до слез, что, не стыжусь признаться, происходило и со мной. Согласитесь, что человек, который способен заставить вас то смеяться, то плакать – очень талантливый!

Я очень ценю тонкое знание психологии и любовь к человеку. Ибо, кто бы ни были герои рассказов Гюльшан-ханым – дети или взрослые, звери или птицы, черти или ангелы, бродяги или античные боги – в конечном счете, все это мы с вами. Создавая образ, замечательный писатель Гюльшан Тофик гызы, может обратиться к таким неожиданным приемам, что остается лишь с восхищением констатировать факт – талантище!

Читатель согласится со мной, когда ознакомится с рассказом «Соседство», где оживленными героями стали... Усы и Борода. Я не стану более интриговать читателей и лишь пожелаю доброго пути в путешеств-

вие к созвездию Слова, где обитает замечательный автор – Гюльшан Тофик гызы.

***Александр Хакимов,**
действительный член Семинара писателей-
фантастов
под руководством Б. Стругацкого, председатель
Бакинского клуба фантастов «Южный треуголь-
ник»,
член Союза Писателей Азербайджана,
член Союза журналистов Азербайджана*

ПТИЦА СЧАСТЬЯ ГНЕЗДА НЕ ВЬЕТ

Все есть у стареющей Рабийи: и дом, и деньги, и имущества – завались! Нет только детей. Хотя это не совсем так...

Приехала она в Баку еще в шестидесятые годы из глухой деревушки. Пыталась поступить в институт, в техникум – не смогла. Пошла работать на обувную фабрику, жила квартиранткой у своей очень дальней родственницы. Подрабатывала стиркой, уборкой чужих квартир. Желание учиться со временем прошло, интерес к знаниям угас. Зато появился другой интерес – к женатому молодому человеку с той же фабрики. Когда стало ясно, что скоро появится ребенок, родственница, у которой Рабийя жила, снимая комнатушку с крошечным оконцем, худой крышей и шуршащими под скрипучими половицами мышами, предложила ей съехать. После, пожалев оступившуюся девушку и еще не родившегося малыша, передумала. Но когда узнала, что Рабийя решила, родив ребенка, оставить его в больнице, коротко отрезала: «Убирайся!» Пришлось перебираться в общежитие.

Скрывая беременность, Рабийе приходилось прибегать ко всяким уловкам. Оттого, что она утягивала живот жестоко тугим корсетом, ребенок родился слабым. Задолго до его рождения, договорившись с одной бездетной парой, Рабийя уже знала, что отдаст мальчика в чужие руки. В родильный дом девушка пошла с чужим паспортом. Она была молода и красива, а жизнь хлестала наотмашь. Поэтому, получив желаемые деньги с той пары, не испытывая угрызений совести, с малышом рассталась.

Вскоре и ей улыбнулась удача. Влюбился в нее состоятельный мужчина и сделал предложение. Он действительно любил ее, потому что не бросил, когда через несколько лет она так и не родила ему ребенка. Никакое лечение не помогло. Упреки свекрови доводили ее до бешенства. Ну, как объяснить этой старой ведьме, что дело не в ней, а в муже! Так и пронесла Рабийя эту тайну через десять лет совместной с первым мужем жизни, до самой его смерти. Сердцем он был слаб. Несмотря на неприязнь, свекровь – вот вам и «старая ведьма»! – не прогнала Рабийю. Выполнив посмертную просьбу сына, она передала снохе добрую долю имущества.

Последующие два брака тоже остались бездетными. Правда, у второго мужа Рабийи был взрослый сын, но жил он со своей матерью в другой республике.

Вот и сидит немолодая уже Рабийя-ханум в дорогом уютном кресле на веранде собственного загородного дома, потягивает «Рислинг» из богемского хрустала, курит «Ротманс» и в душе завидует хронически беременной служанке Етер. Иногда, дымя сигаретой, она подолгу сидит с закрытыми глазами. Губы ее едва заметно шевелятся. И, кажется, она говорит сама с собой. А. может быть, не с собой, а со своим уже взрослым сыном? А какие, интересно, у Рабийи внуки?.. Как хочется ей порой оказаться в том старом дворе, выкрасть из колыбельки своего сынишку! Она не ропщет на Бога, который наказал ее – сама виновата. Все, что ей досталось в этой жизни – это деньги, которые будет тратить и не истратит до конца своих дней, и одиночество, которое не скрасит никакой мужчина и не восполнит никакое застолье.

– Все Бог дал, а детей не дал! – сочувствуют окружающие. – Вот беда! Своих нет – хоть усыновила бы кого.

И невдомек людям, что трудно привязать свое сердце к чужому ребенку, если продал своего...

* * *

– Горько думать, что уготовила жизнь этим пацанам, – печально произнесла служанка Етер, убирая со стола полную окурков пепельницу. Хозяйка с утра была не в духе. Все дымила и дымила своими дорогими сигаретами. Одну от другой прикуривала. А тут еще эта передача о подростках из интерната. Сердце кровью обливается!

– Ой! – воскликнула Етер, увидев на экране светловолосого парнишку. Она указала на него пальцем, – этого мальчишку я знаю. Алик его зовут. Они с отцом живут здесь, в поселке. Когда отец забирает его по выходным, он приходит помогать нашему садовнику. Неплохой такой, с виду, услужливый. Да кто их, интернатских, знает! Что у них на уме?.. Вы тоже видели его, наверное, в саду. Траву он убирал, листья, навоз таскал, деревья известью белил. Помните?

– Нет, не припоминаю, – поморщила лоб Рабийяханум. – А матери у него нет? Почему ... в интернате?

– Садовник рассказывал, что родители развелись, когда Алику два года было, а после мать вышла замуж, отдала ребенка отцу и уехала в Пермь. Она оттуда родом. Говорят, его отец из хорошей семьи. Но родители были уже немолоды, когда дитя появилось. Отец, – дед Алика, то есть, – умер, когда сынишке десять лет исполнилось. Богатства, правда, много оставил. Но вдова не работала нигде, думала, что добра их на всю жизнь

хватит. Жили они с сыном припеваючи, горя не мыкая, денежки потихоньку тратили. А потом у них пожар случился. Кончилась в одночасье хорошая жизнь.

Как Карим-даи говорит, птица счастья гнезда не вьет... С тех пор перебрались они жить в свой дачный домик, в наш поселок. Тут еще перестройка подоспела со своими «прелестями», одни вклады Горбачев заморозил, другие в Вахид-Банке медным тазом накрылись. Бабка-то и померла, не выдержала. Невестка, мать Алика, то есть, к нищете, похоже, не готова была. Сбежала. А куда от нее сбежишь? Нищета – она и в Перми нищета... Алик говорит, что у отца смолоду проблемы со здоровьем, какая-то в костях болезнь. До высоких чинов при Советах дослужиться не успел. На почте сейчас работает. Да уж и не знаю, верить ли мальчишке, – махнула рукой Етер. – Может, и врет все. Знаете, какие вруны эти приютские? И воришки! Я садовнику говорила, чтоб глаз не сводил с него – того и гляди, сопрет чего-нибудь.

– Почему же в дом привели, если вор? – сердито спросила Рабийя, до сих пор с отрешенным видом слушавшая служанку.

– Да жаль его ... – замялась растерявшаяся болтливая Етер. – Вообще-то, он, вроде, неплохой. Садовник говорит, исполнительный очень, тихий, вежливый. Но если Вы недовольны, его прогонят...

Етер засуетилась, опасаясь гнева хозяйки. Мальчишку, конечно, жалко. Но самой попасть в немилость и лишиться очень даже неплохого местечка вовсе не хотелось. К тому же, и садовнику, пожилому человеку, может влететь. А вдруг и вправду стянет малец чего-нибудь? Не миновать тогда неприятностей. Зря она лишнего сболтнула, ох, зря!

– Не спеши, – несколько смягчив суровый взгляд, сказала Рабийя. – Приведи его сюда сначала, когда появится снова. Поглядим на вашего юнната. Сколько ему лет?

– Тринадцать, кажется, – снова затараторила Етер. Спohватившись, она попыталась исправить оплошность, – Он Вам понравится, Рабийя-ханым! Симпатичный, такой, мальчик...

– Видела! – оборвала ее хозяйка, – Без тебя разберусь, понравится или нет.

Етер быстренько подхватила поднос и пепельницу, поспешила поскорее убраться на кухню.

– Дернул меня черт за язык! – ругала себя Етер. – Что теперь, если не понравится ей пацан? Прогонит! Ей-то что? Сытый голодного не понимает. Откуда ей знать, каково ребенку в интернате, при живых родителях? Живет – в ус не дует. Ни детей, ни плетей. Ой, что это я говорю? Пусть уж подольше живет! Как же я прокормлю свой выводок, если ее, не приведи Бог, не станет?

В субботу сконфуженный мальчик стоял перед Рабийей, сцепив руки за спиной и переминаясь с ноги на ногу. У него были прямые русые волосы, чуть вздернутый нос, голубые глаза. Лицо скуластое, худое и бледное.

– Тебя зовут Алик? Али? – спросила Рабийя.

– А-алекса-андр, – стараясь не заикаться, ответил мальчик. Но он волновался, и это не удавалось.

– Карим-даи тобой доволен, и Етер тебя хвалила. Тебе нравится работать в саду?

– Д-да, спа-асибо, – ответил подросток. – У Вас красивый с-сад. И Карим-даи до-обрый человек.

– Это хорошо, что ты не лодырь, и в свободное время работаешь, а не слоняешься, как некоторые твои сверстники.

Мальчик не ответил. Раййя и сама, похоже, не поняла, как неуместно было сказанное. Разве мальчишке не хочется погонять на велике или поваляться лишней утренний часок в постели? Что же делать, если он вынужден в выходные пропалывать грядки в огороде этой богатенькой тетки? Тем более, что и велика у него нет. Вот накопит денег – может, и купит.

– И чего уставилась? – думал Алик, смущаясь еще больше оттого, что хозяйка так пристально его разглядывает. Но старой Рабийе мальчишка понравился. Ее даже позабавило, что при такой ярко выраженной славянской внешности, он говорит с ней на азербайджанском. А парнишке причуды этой тетки были в тягость, и он мысленно призывал на помощь садовника.

– Ай Карим-даи, ради Аллаха, позови меня поскорее!

– Ладно, иди, работай, – произнесла, наконец, Рабийя. Мальчишку мгновенно как ветром сдуло. Вечером хозяйка позвала к себе водителя.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая ему триста долларов и исписанный лист бумаги. – Купишь мясо, рис, масло, фрукты, сладости, тут все написано. Свежешь в интернат и проследишь, чтобы детям скормили, а не по кошелкам своим рассовали. Не говори, от кого. Не то начнется «паломничество» к моим дверям. Вот тебе еще сотня, проспорь Алику – знаешь его? – велосипед. Придумай сам, как вернее проиграть. Ты меня понял? И держи язык за зубами!

– Какое у Вас золотое сердце, Рабийя-ханым! – обычно прижимистая хозяйка удивила водителя своей неожиданной щедростью. – Аллах вознаградит Вас!

– Иди, Ариф, Иди, – махнула рукой женщина, давая понять, что разговор окончен.

Вот уже несколько дней прошлое стало напоминать о себе, странным образом. Оно возвращалось в каких-то бессюжетных снах, которые не поддавались толкованию. Сны были похожи на исписанные неровно-старательным почерком листки из школьной тетрадки, вырванные, помятые и пущенные по ветру. Снилось давно не существующая глухая деревушка, окруженная лысыми холмами и карликовыми рощицами. Позже несколько таких деревенок власти переселили в низину и объединили под общим названием Ени-оба. Рабийя так ни разу в ней и не побывала. Еще снился старый двор с единственным чугунным краном, напоминавшим хобот морского слона и общим туалетом (деревянную дверь туалета все время заклинивало изнутри). Снилось нищета и унижения, через которые пришлось пройти, темный и пыльный фабричный склад, где она так неистово отдавалась своему женатому возлюбленному. Просыпаясь с ощущением тревоги, Рабийя рассказывала эти сны на ветер, как учила ее покойная хозяйка душного городского двора. Чтоб не сбылись. Говорят, постоянно думая о чем-либо нехорошем, можно накликать его. Но как же тогда ее частые, терзающие мысли... о сыне? Ведь жизнь так и не свела их...

Эх, Рабийя! А что бы ты сделала, повстречай его сейчас? Как бы вымолила в его сердце небольшое местечко для себя?

– Выкупила бы!

– Как все у тебя просто: продала, купила... Когда-то удача вознесла тебя над нищетой. Вышла «из грязи в князи». А в люди?.. Нет, уж лучше пусть все так и останется. Тем более, что не случится того чуда, которое приведет тебя в убогий дом почтового служащего. Не увидишь ты на обшарпанной стене фотоснимка супружеской пары, которой когда-то продала свое хилое дитя, никогда не узнаешь в курносом заике Алике своего внука. Он будет пропалывать грядки и поливать цветочные клумбы в твоём саду, получая не ахти какую плату. А когда подрастет и покинет стены интерната, может быть, тоже устроится работать на почту, и ваши встречи прекратятся. Ты забудешь его, и тревожные сны, в которых ты билась о пустоту, перестанут терзать тебя. Удары о пустоту так болезненны! Продолжай рассказывать сны на ветер. Чтоб не сбылись...

ПОДАРИ МНЕ КОЛЕЧКО!

Карина так долго ждала пришествия инопланетянина и так верила в эту встречу, что его внезапное появление ничуть не удивило девушку. Материализовавшись из плазмообразного сизого сгустка, он возник перед ней в канун именин.

– А, вот и Вы! Наконец-то, – кокетливо опустив веки и откинувшись к мягкой спинке любимого желтого дивана, произнесла Карина. – Уж, думала, и не дождусь.

– Но я здесь один, – огляделся по сторонам волоокий пришелец, похожий на немного подросткового и очень исхудавшего нэцке. – Почему «Вы»?

– У нас так принято обращаться к незнакомцам. Это форма вежливости. Я ведь землянка, а не какая-то космическая невежа, – развела руками Карина.

– «Земляника, землячка, землянка...» – побежала невидимая Карине строчка перед глазами пришельца. – «Землянка – вырытое в земле укрытие с бревенчатыми или тростниковыми стенами и потолком; сооружается, главным образом в районе боевых действий».

Гостю было непонятно, почему эта женская особь разряда мыслящих назвала себя таким образом, но он промолчал, дабы снова не попасть впросак.

– А с какой Вы планеты? – поинтересовалась Карина.

– Ваш речевой аппарат не в состоянии воспроизвести некоторые звуки в названии моей планеты, – не совсем уверенно ответил пришелец. Он издал звук, напоминающий тот, что получается при ударе алюминиевой пластики об керамическую плитку пола.

– Фи-и-и! – поморщилась Карина, зажав уши. – Похоже, и наш слуховой аппарат не очень-то в состоянии воспринимать такие звуки. Неужели нельзя сказать проще?

– Можно! – утвердительно кивнул круглой и гладкой головой космический «нэцке». – Ты можешь называть ее Мрамур.

– Ну, это другое дело, – облегченно вздохнула Карина. – Иначе никто мне и не поверит. Пришелец с планеты «Грохот алюминиевых мисок»! Ха-ха-ха.

– Ты знаешь такие слова?! – опешил инопланетянин.

– Какие?

– Прости, я не могу этого повторить. Неприлично. Но откуда они известны тебе? – упорствовал гость из космоса. Он был явно озадачен и чем-то недоволен.

– «Ха-ха-ха» – это неприлично?

– Прошу тебя, не произноси таких слов хотя бы в мое присутствие, – взмолился пришелец. – Даже примитивные гематогенцы так не выражаются!

Карина, наконец, начала догадываться, что смех на языке ее гостя означает некое неприличное выражение. Ей стало смешно, но, напустив на себя серьезности, она спросила

– Надеюсь, мое имя не напоминает Вам мрамурское ругательство?

– Не то, чтобы ругательство, – замялся инопланетянин, – но оно похоже на «кар-ин-на-а» – «утраченные детали восстановлению не подлежат...»

– Дурацкий у вас язык! – обиженно поджала губки Карина, не позволив ему договорить. – И, вообще, Вы для чего здесь? Чтобы испортить мне настроение или наладить контакт?

– Контакт, безусловно, контакт! – оживился глазистик с Мармура. Повеселев, он указал на спицы для вязания и попытался изменить тему разговора, а заодно и показать свою осведомленность. – Я знаю, что это такое: этим вы пользуетесь при употреблении пищи.

– Этим мы вяжем пуловер своему ухажеру! – раздраженно воскликнула Карина. – А едим мы ложками. Хотя, некоторые придурки используют их в качестве народных музыкальных инструментов.

Пришелец недоумевал. Ему непонятен был ни ход мыслей, ни интонации девицы. Почему она все время грубит? Сама ведь и напросилась на встречу, без конца грезила о визите к ней инопланетян. Ее изучали некоторое время и решили, что для установления контакта подходит: уровень интеллекта ниже среднего – такие легче поддаются обработке и их рассказам не очень-то верят. Сам он недавно подключен к исследованиям, по-

надобится время, чтобы научиться понимать эти создания. Однако Карина озадачила и утомила его. Волоокий пришелец, похожий на вытянутого японского нэцке, приступил к процессу дематериализации. Вокруг него уже начала сгущаться сизая дымка, и Карина спохватилась.

– Пойдите, пойдите! – замахала она руками, пытаясь остановить исчезающего инопланетянина. – Вы не оставите мне ничего на память?

– А что бы ты хотела получить?

– Ну... хотя бы золотое кольцо!

– Только и всего? Разве оно прибавит тебе ума и знаний? Впрочем, принципы отбора контактеров и предусматривает невысокий уровень интеллекта.

Ведь проси они высших знаний – разнесут в щепки планету! Просто невероятно, что даже самые умные на ней работают, в конечном итоге, именно на разрушение, – подумал пришелец с Мармура, но этих слов Карина не услышала. Она услышала лишь слабый звон вертящегося на столе золотого колечка с небольшим рубином.

– Миленькое, ничего не скажешь, – Карина с интересом разглядывала кольцо. – Неплохо бы и сережки к нему...

Но в ответ не раздалось ни звука. В комнате, кроме нее, уже никого не было.

На следующий день пришла подруга – поздравить с днем рождения.

– Я, как всегда, первая! – радостно воскликнула она с порога. – Поздравляю, душечка-подружечка, желаю тебе всего самого-пресамого!

Она принялась тискать и лобзать Карину, не давая ей произнести эти слова. Подруга прекрасно понимала, что ее абстрактные поздравления мало чего значат для

катастрофически засидевшейся и томящейся в ожидании предложения руки и сердца именинницы. Но Каринка сама виновата – рассказывала всем своим прежним поклонникам, что мечтает о встрече с пришельцами из космоса и чувствует, что такая встреча обязательно произойдет. Кто же захочет жениться на такой, мягко говоря, чудачке?

– А вот и не первая! – высвободившись из объятий, выдохнула Карина.

– Неужто твой козел опередил меня? – удивилась подруга.

– Как бы не так! Сама говоришь, козел, – ответила Карина. Протягивая вперед зажатую в кулак руку, она продолжила. – Угадай, что у меня тут?

– Случись чудо, там было бы обручальное кольцо, – задумчиво протянула подруга. Карина с таинственной улыбкой медленно разжала пальцы и поднесла ладонь прямо к ее лицу.

– Ой! Моя пуговица! – обрадовалась подруга. – А я думала, что в автобусе оторвалась. Запасной не осталось. Теперь, думаю, все семь менять придется. Спасибо Каринка!

Подруга хотела взять пуговицу, но Карина резко отвела руку.

– Какая пуговица?! Ты что, слепая? Это же кольцо! Пришелец ко мне явился вчера, инопланетянин. Кольцо оставил на память. А вы не верили!

– А крокодил Гена не приползал сватать тебя для Чебурашки? Ты в своем уме? Отдай-ка мне пуговицу. И, вообще, кажется, тебе пора обратиться к психиатру, – с досадой проговорила подруга. Но, подумав, улыбнулась и погрозила пальцем. – Прикальываешься? Шутница, блин. Инопланетянин к ней прилетел! Приперся

через сто галактик, чтобы подарить чужую пуговицу на день рождения! Ой, уморила! Давай-ка ее сюда, пока я не рассердилась по-настоящему.

– Да иди ты к черту! – огрызнулась Карина, пряча кулак за спину. – Какие еще шутки?

– Карька, отдай пуговицу! – досада подруги перерастала в озлобление. Она снова попыталась отнять у Карины пуговку, но случайно поцарапала ей руку. Карина оттолкнула подругу ударом в грудь, поломав при этом ноготь и оставив глубокую царапину на ее коже.

– Удаvisь ты этой пуговицей! – окончательно разозлилась подруга. Она выскочила за дверь и уже с лестничной площадки крикнула, – Лечись, идиотка!

Вот тебе и день рождения! Карина так расстроилась, что в сердцах швырнула кольцо на диван. Оно закатилось в угол, обиженно свернув красным глазком-камешком. Девушка от огорчения чуть не плакала. Ссора с подругой, да еще в такой день – мало сказать неприятно! Кроме того, повод не поддавался никаким объяснениям. Звонок в дверь отвлек ее от мыслей о глупой выходке подруги. Карина открыла дверь и увидела красивый букет, которым прикрывал лицо ее потенциальный жених.

– Слава Богу, день рождения только раз в году, – просипел он мелодию из известного всем мультика. – Поздравляю, пупсик!

– Ты прав, козлик. Будь он дважды в год, мне бы сейчас стукнуло семьдесят! – подумала Карина. Она повесила на лицо улыбку и постаралась изобразить радость. – Проходи быстрее, не выстужай квартиру.

Молодой человек прошел в комнату, устроился поудобнее на диване и стал разглядывать клубки пряжи, из которых должен был родиться его новый пуловер.

Вдруг он обрадовано потянулся к малюсенькому предмету в углу дивана.

– Вот тебе раз! А я его обыскался, пришлось новый купить, – он держал двумя пальцами чип от сотового телефона. – И не думал, что мог здесь оборонить.

Карина, совершенно обескураженная, уставилась на крошечный предмет в руках своего друга, но благоразумно промолчала. Не стала убеждать его, что это золотое колечко с рубином, а не чип.

– Ты уверен, что это твой чип? – борясь с внутренним волнением, но стараясь держать себя в руках, спросила девушка. – Дай-ка погляжу.

– Сейчас проверим, – ответил ее парень и стал прилаживать чип к своему телефону. – Ну, вот. Набери-ка мой прежний номер.

Карина набрала номер его сотового телефона и тот... заиграл! Еще чуть-чуть – и девушка выхватила бы из рук молодого человека мобильник и размолотила бы его ко всем чертям!

– Подари мне свой чип! – обрадовалась она осенившей ее догадке.

– Зачем он тебе? – удивился парень. – Твой номер круче.

– Прошу тебя! Считай, что это подарок ко дню рождения, – стала уговаривать его Карина. Она даже прибегла к лицемерию. – Так ты будешь, вроде, всегда рядом...

Молодой человек воспринял слова девушки как призыв к любовным ласкам. Он встал с дивана, подошел к ней, но только захотел обнять, как зазвонил сотовый.

– В чем дело? Неужели без меня не разберешься? – раздраженно говорил он с кем-то орущим в трубке. За-

тем обратился к Карине. – Извини, пупсик. Бежать надо. Вечерком заскочу.

– А чип? Ты мне его не подаришь?

– Ах, да... – он снова поменял чип, протянул его Карине. – Если будут звонки, дай мой новый номер.

Проводив своего друга, Карина вернулась в комнату и увидела на столике золотое колечко с небольшим рубином.

– Все мужики одинаковы, – вздохнула она. – Так и норовят обмануть! Что наши, что мармурянские...

Карина опустилась на диван и задумчиво посмотрела на своего любимчика, коротконогого жирного кота Мурзика.

– Мурр-рр, – тихонько мурлыкнул кот, посочувствовав хозяйке.

– Эх, Мурзик-Мармурзик, – горько усмехнулась Карина. – Похоже, каждый видит в этой хреновине то, что хочет видеть... Надо спрятать от тебя подальше. Чего доброго, килька померещится.

КРАЙ НЕБА ЗА БАРХАНАМИ

– Какими легкими и пушистыми кажутся облака! А ведь на самом деле они холодные и колючие. – Старик Тугай лежал на жестком матраце, уложенном поверх ветхого паласа, и смотрел на стайку мелких полупрозрачных облаков, медленно ползущих на запад. – Скоро норд-ост собьет их в кучу и погонит к предгорьям. А там обрушит градом на виноградники. И ничего не поделаешь! Бессилен человек перед стихией...

Ушастый тушканчик нахально прыгал вокруг невысокого каменного крылечка, окруженного раскаленным желтым песком. Он не обращал внимания на старика,

лежащего под худым навесом, сквозь щели которого солнце чертило полосы на стене старенького дома. Мужчина и маленький грызун давно уже привыкли к присутствию друг друга. Сухие соленые пески с горькими на вкус редкими кустарниками, колючками и островками мохнатого белоцвета – милая сердцу тушканчика родина. Он не видит ярко-синей полосы моря за песчаными барханами. Там не его территория, и она ему неинтересна. За барханами воздух пахнет иначе. Он неприятен тушканчику. А вот старик то и дело вздыхает, с трудом поворачивая лицо в сторону песчаных холмов, укрывающих от его глаз синюю с прозеленью морскую гладь, к которой примыкает край небосвода.

– Много вас в этом году, однако, – подумал старый Тучай, глядя на тушканчика, бесцеремонно роющего новую норку прямо под каменным выступом крылечка. – Видно, змей нет по ваши души. Оно и хорошо. Можно не опасаясь спать во дворе.

Тут Тугай горько усмехнулся. Собственные рассуждения показались ему бессмысленными. С раннего утра с ним происходило что-то непонятное: не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Хотел подняться, но тело не слушалось, будто придавленное невидимым тяжким грузом. Он попытался крикнуть и позвать на помощь соседей. Но и это ему не удалось. Лишь слабый звук – то ли стон, то ли вздох – сошел с его уст. Только мысли были четкими. Да что толку? Ничего не оставалось, как лежать, не усугубляя своего положения, и ждать, пока не вернется его старуха, которая еще вчера поехала в город. На денек. По внукам заскучала. Да и отшельничать здесь надоело. Она не разделяла любви мужа к «дикому» отдыху и солоноватой, жесткой колодезной воде, убивающей вкус даже самого хорошего чая. По-

этому то и дело искала предлог, чтоб отлучиться ненадолго. У сына была своя благоустроенная дача на противоположном берегу полуострова. Но старый Тугай упорно не откликался на его приглашение. На ухоженной, окруженной высоким каменным забором даче сына он чувствовал себя как в клетке.

– Моря не видно, людей не видно, даже ящериц нет! – качал головой Тугай, с горечью осознавая, что прежнее понятие «дача» справедливо воспринимается молодыми как «бросовый участок, без удобств». – Зачем нужна такая дача, если ветер не приносит запах моря, а вместо инжира растут какие-то папоротники?

– За эти «папоротники» валютой заплачено! – недовольно возражает сын. – Очень модные сейчас декоративные кустарники.

– Вот именно, модные. А кто диктует вам эту моду?.. Все равно тебя не поймут, кончай пустой спор, – думал Тугай, тоскуя по своему «бросовому участку в неходовом месте». Что греха таить, место, действительно «неходовое». Если не считать близости моря, никаких преимуществ: вода соленая до горечи, растительность скудная, пески и ветры через год-два губят хилые саженцы плодовых деревьев, которые приходится поливать привозной водой, без конца удобрять. Но и это не помогает. Они все равно очень скоро усыхают от зноя, соли и ветра. Даже стойкий к такому климату местный виноград – шаны обладает необычным вкусом, сочетающим высокую сахаристость и некую солоноватость. Вина из такого винограда не получается, а на дне бутылок с соком через месяц зацветают «песчаные хризантемы». Что и говорить, дети правы, приморская полупустыня с юркими змейками и скорпионами под камнями – не лучшее место для отдыха. В их понимании,

по крайней мере. На близлежащих участках то и дело образовывались небольшие болотистые впадины, быстро зарастающие камышом. Через два-три года они испарялись, оставляя после себя бурые камышовые заросли. Затем появлялись в другом месте. И снова зарастали тростниками, шуршащими при малейшем ветерке, словно хвост гремучей змеи. Здесь такие болотца называли «блуждающими змеиными ямами». Но на горизонте уже вырастали новые постройки. Люди осушают камышовые трясины, изгоняют их обитателей, проводят коммуникации, строят особняки. Слишком дорога каждая пядь апшеронской земли, чтобы отдавать ее на откуп ветрам.

Так и утихают знаменитые апшеронские ветры... Годом раньше, годом позже и участок старого Тугая будет изъят под застройку. Разбегутся кто куда попрывунчики – тушканчики, серенькие песчаные лиски и ящерики-притворщицы. Старику стало совсем грустно. Думая о том, что ждет эти знойные барханы и неказистые стойкие смоковницы, он забыл о своем далеко не завидном положении. Солнце, тем временем, переместилось в зенит, и жаркая полоска легла прямо ему на лицо. Но он будто не замечал струек пота, стекающих со лба и щек. Они были соленые, как слезы. А может быть, то слезы и есть?..

Через час ветер заметно усилился. Тугай открыл глаза и вновь принялся разглядывать облака. Их стало намного больше. Потревоженный ветром, скрылся в только что вырытой под крыльцом норке тушканчик. Распластавшись на стене, застыла ящерица. Скрипела распахнутая ветром дверь. Мелкий песок забивался в седые разлохмаченные волосы старика.

– По-прежнему, норд-ост, – думал он. – Значит, точно, понесет, упрямец, тучи с градом к предгорьям. Жаль, если побьет виноградники...

Тугай вспомнил, как шестьдесят лет назад (он служил тогда в армии) их полк перебросили на устранение последствий селя в Абхазии. Горное сельцо, откуда он с товарищами эвакуировал население, почти полностью унесло водой. Какая-то мелкая, безобидная речушка вдруг превратилась в ревущего, разъяренного зверя, неслась, уничтожая все на пути. Спасали только людей. У домашнего скота шансов не оставалось. Но и среди людей не обошлось без жертв. Четверо селян и один солдат-грузин погибли тогда. Грузинского парнишку унесло взбешенной мутной водой, оторвавшей слабые поручни моста, куда он успел поднять абхазского мальчика. Говорили, что год до того, в этом селе было полностью уничтожено градом кукурузное поле и виноградники. Градины падали с неба величиной с крупное куриное яйцо. Бедолаги абыхи едва пришли в себя и вдруг – этот ужасный сель.

– Интересно, вспоминает ли своего спасителя и цену спасения тот абхазский мальчик? – размышлял Тугай. – Сейчас его дети, возможно среди тех, кто разжигает огонь вражды с грузинами. Мир обезумел!

Обрывки воспоминаний, нанизанные на обветшалую бечевку памяти, напоминали самодельные гирлянды, которые Тугай в довоенном детстве собирал для новогодней елки. Эта бечевка была очень стара, оборвана во многих местах и собрана узлами. Гирлянда получалась аляповатая и непоследовательная. Но, слушая шум усиливающегося ветра, доносившего неповторимый запах моря, переводя взгляд с тяжелеющих облаков на стелющиеся по песку виноградные кусты, он мысленно

возвращался именно туда, в уносимую свирепствующей стихией абхазскую деревеньку. Лучше думать о тех, с кем успел попрощаться... Но память воскрешала и другие картины. Больше всего их было из детства.

– Ты как со мной разговариваешь, рожденный чревом гиены?! – гневно сверкая очами, выговаривал своему взрослому сыну сосед Гиясбеков со второго этажа. Он яростно ударил себя в грудь. – Я, потомственный бек, не удостоился почтения собственного сына?!

– Что же ты попортил кровь, женившись на дочери потомственного батрака? – усмехнулась бабушка Тугая, которой он помогал расплетать пряжу, сидя на деревянных ступеньках внутреннего двора. Бабушка будто сама с собой говорила, а не с внуком. – Отец и дед его жены Алии были батраками у отца и деда этого суелавца. А теперь сам противится женитьбе сына на девушке из «простой» семьи.

Вопреки воле отца, сын Асланбека Гиясбекова все-таки женился на Елизавете, дочери рабочего с сураханского нефтяного промысла. И вот теперь муж его родившейся через год внучки Рухангиз, разглядывает в облаках мелькающие картинки далеких дней, с радостью возвращается туда, ощущая их теплое прикосновение к холодеющему сердцу.

Апшеронский ветер, как всегда, непредсказуем. Из легкого, словно дыхание младенца, он преобразился в злыдня, перемешивая облака вихреобразными порывами. Запах моря стал горьким и едким. Шум волн превратился в рев. Норд-ост не донес арсенал облаков, полных ледяными снарядами, до предгорных виноградников. Где-то там, в невообразимой выси, он смешался с другими потоками, закружив и сталкивая вздувшиеся облака. От этих столкновений рождались молнии, кото-

рые через несколько секунд раскалывали воздух громом. Распластанная на песке старая виноградная лоза еще сильнее прижалась к земле, вывернув листья, будто ладони и прикрывая ими недозрелые гроздья кислых ягод. Мать-лоза не даст им раньше времени быть сорванными ветром и побитыми надвигающимся ливнем! Хлынул дождь. Недолгий и обильный летний дождь. Пару часов назад лицо старика Тугая, бездвижно лежащего на ветхом паласе, было залито соленым потом. Теперь его окроплял дождь, загоняемый ветром под навес. Странно... Ему показалось, что и дождевики соленые на вкус. Будто крошечные частички моря, бушующего за барханами.

– Молодец, старик Хазар! – краешком губ улыбнулся Тугай. – Ты знал, что я собирался, сегодня окунуться в твои волны. Не удалось... Вот и пришел ко мне сам. Спасибо! Я буду омыт тобой, прежде чем предстану перед небесными вратами.

Тугай с трудом размежил веки и увидел кичливого старика Гиясбекова, сидящего на краю веранды, откинувшись к стене. Тугай не удивился и не испугался.

– Значит, я не ошибся, – подумал он. – Только бы Рухангиз не задерживалась в городе...

– Не волнуйся, она уже возвращается, – услышал он голос почтенного Асланбека, хотя не произносил ничего вслух. – Она видела дурной сон и спешит к тебе. Хорошая у тебя жена. И ее мать, Лиза была хорошей женой моему сыну. Зря я тогда корил его – ТАМ все одной породы!

ИМЕНЕМ КОЗЫ

– Сынок, сердце мое, престол надежды моей! Кто же будет отрадой моей старости?! Чем, скажи, не мила тебе эта чудная девушка, эта пери, сошедшая с небес, этот цветок из райского сада? – то ли восхваляла, то ли причитала мать, роняя слезы и размахивая перед носом сына цветной фотографией юной особы. Взывая к совести сына, она всегда облекала в столь поэтическую форму самую обычную житейщину. Истинно восточный человек! Когда мать расхваливала потенциальных невест, ее вдохновение носило, как парусник на волнах арабской вязи. На фото была запечатлена, и вправду, очень красивая девушка лет двадцати: белолицая, светлоокая, с чудесными каштановыми волосами по пояс. Она сидела на коврике под деревом, держа руку на раскрытой книге.

Вероятно, такая композиция была задумана для того, чтобы подчеркнуть ее образованность, любовь к прекрасному и тягу к знаниям. Но, говоря откровенно, будь она изображена пусть даже кормящей кур во дворе или раскатывающей тесто на лаваше, все равно не стала бы менее красивой. А может быть, и наоборот, более колоритной и привлекательной. Особенно в пестром деревенском платке. Или в какой-нибудь малиново-желто-зеленой безрукавке. Это была фотография очередной (о, боже, которой по счету!) кандидатуры в невесты для этого упрямого осла, этого безмозглого чурбана, этого бессердечного невежи, который не даст рукам матери вдоволь потискать внуков и, в конце концов, закрыть глаза умиротворенной и оплакиваемой любящей снохой и почтительными сыновними отпрысками!

– Заклинаю тебя могилой отца, скажи правду: разве она не прекрасна, как утренняя заря, не свежа, как умытый росой горный цветок? Ты же сам просил подыскать для тебя светленькую, стройненькую, целомудренную девушку! – изнывала страждущая умереть в окружении опечаленных внуков женщина. – Тебе уже тридцать два года! Твои сверстники сыновей в школу водят, а ты... Расселся, будто евнух какой!

– Да что ты от меня хочешь? Дома сижу – евнух. Гуляю допоздна – бабник. Не угодишь тебе, ей Богу. Ладно, ладно, уймись. Девушка хороша, ничего не скажешь. Но что это за имя такое – Мадмазиль?

– Согласна, сынок, – сразу будто сникла мать, потеряв поэтический пыл. – Я и сама, если честно, не сразу уразумела. Мне Гюльчохра потом объяснила: дед девушки (будь он неладен) назвал ее так. У них в районе вообще мастера по части имен. Видимо, имел введу «Мадмуазель». Но мы будем называть ее Мези.

Женщина смотрела на сына с мольбой, отчаянием и надеждой. Ему стало жаль мать. Но жениться на деревенской чаровнице с таким амбиционным именем все равно не хотелось.

– Мама, почему в ваших краях так любят потешные имена? Чобанова (Пастухова) Мадмазиль Чапаевна! Анекдот века, черт побери!

– У нас принято давать детям имена старших родственников, – смущенно пояснила мать, хотя он и так об этом знал. – Ее прабабушку так звали. Говорят, чуть ли не сам Дюма-отец гостил там когда-то и обращался так к белокурой хозяйской дочурке. А после, в память о знатном госте, так и записали в ее документах – Мадмазиль Чобан гызы.

– А у отца ее, выходит, сам Василь Иванович крестным был? Чапаевна, елки-палки! – усмехнулся сын. – Слава Богу, хоть тебя какой-нибудь Кукрыниксой не нарекли.

– Ты же знаешь, меня Сугрой назвали в честь бабушки, – обиженно поджала губы мать.

– Мама, – набрав воздуха в легкие, выдохнув и сделав паузу, подытожил сын – я ставлю последнее условие ко всем прочим относительно внешности: у девушки, которая станет моей женой, должно быть нормальное человеческое имя. Нормальное-е! Все, тема Мадмазиль Чобановой исчерпана!

Итак, кандидатура прекрасной горянки, которой невольно оказал медвежью услугу великий француз, была отклонена. Вскоре после того разговора мать, еще более активизировавшая свои усилия, показала сыну фото обворожительной зеленоглазой девушки. Она стояла в окружении студенток-сверстниц и выгодно отличалась от них не только красотой и статью, но и умом и задором в чудных искрящихся глазах.

– Баяз ее зовут, – ответила мать на немой вопрос сына, не успевшего и рта раскрыть. – Успокойся, и с отечеством порядок. Это дочь свояка дяди Керима, племянника Мусы, который приходился внуком покойному Ахунд-Аге. Того самого, что женился на вдове Искендера-ами, сводной сестре Худаяра, внучатого племянника Джавад-бека и крестника Мухтар-бека. Словом, мы близкие родственники с ее отцом. Из очень хорошей семьи девушка. Ее отца зовут Ильяс. Она единственная дочь.

Затем мать подробно рассказала, кто, как и когда порекомендовал девушку. Придаться не к чему, и упорство женщины было вознаграждено – воля сына

сломлена! Он дал согласие встретиться с девушкой, и вскоре встреча состоялась. Она превзошла все ожидания счастливой матери: девушка не просто понравилась молодому человеку, а буквально околдовала его. Все было при ней – красота, ум, хорошее воспитание, мягкость характера. Ну, и все прочее.

Через месяц, состоялась помолвка, и начались приготовления к свадьбе. Молодая парочка была неразлучна и парила в облаках на крыльях любви, а будущая свекровь утирала слезы радости и возносила хвалу Аллаху. Как-то раз, в самый канун свадьбы, все трое чаевничали в доме жениха и вели милую семейную беседу. Разговор зашел о несуразных именах и недалёковидных родителях, обрекающих детей на бесконечные неудобства с этим связанные.

– Однажды мама чуть не сосватала мне девушку, которую в честь прабабушки назвали Мадмазилью, – смеялся сын Сугры-ханым. – Помнишь, мама? Представляешь, Баяз, ее полное имя было Чобанова Мадмазиль Чапай гызы.

– Слава Богу, что козу моей бабушки звали не Кечиме – попивая чаек со свекровиным айвовым вареньем, сказала Баяз.

– А при чем тут коза? – удивленно спросил ее жених.

– Да ты ведь знаешь, что у моих родителей двадцать лет не было детей. Тогда бабушка поклялась, что назовет внука или внучку так, как зовут ее козу. Наверное, Аллах, наконец, услышал отчаявшуюся старушку и дал ей внучку. Меня, то есть. Вот и назвали меня Баяз (Беляночка) именем ее козы.

Молодой человек поперхнулся куском сахара и так закашлялся, что расхохотавшейся Сугре-ханым при-

шлось хорошенько поколотить его по спине, не то у парня вылезли б глаза. А зеленоглазая юная Баяз смотрела на них с удивлением и не могла понять, чем страдания поперхнувшегося сына так рассмешили мать.

ЧУДАЧКА ПАКИЗА

Среди сверстниц она всегда слыла чудачкой. Как же еще можно назвать 13-летнюю девочку, без всяких видимых причин прикалывающую на грудь яркие цветочки или вплетающую в косы цветные ленты допотопного происхождения?

– А разве это не красиво? – искренне удивлялась и огорчалась всеобщему непониманию Пакиза, когда одноклассницы снисходительно ухмылялись и советовали ей снять эти неуместные аксессуары. Последние ее слова вызывали уже откровенный хохот, – Форма, вроде, земля. Коричневая. И на ней маленькая клумбочка.

– А бантики и ленточки – это репетиция первомайской демонстрации, – заливались смехом девчонки. – Пакиза, у тебя вкус дикарки! Ты еще страусиные перья на голову прицепи. Тебе пойдет.

– Они не яркие, – будто не замечая издевки, спокойно отвечала Пакиза. – Другое дело, от каких-нибудь тропических птиц...

– Петушиными замени! – укатывались со смеху сверстницы. Они крутили пальцем у виска, когда чудачка – Пакиза отворачивалась. Но ссориться с ней не спешили: училась она лучше других и в помощи не отказывала. А это немаловажный фактор. Особенно во время контрольных.

Учебный год близился к завершению, и для шестиклассников была организована экскурсия в Хачмаз-

ский район. Весна, дорога, фляжки, термосы и бутерброды, да еще в такую даль – что может быть желаннее для подростков! В восемь утра десятого мая двадцать пять мальчиков и девочек 6 «б» класса толпились у оранжевого автобуса и уговаривали классного руководителя не дожидаться Пакизы. Учитель физики нервно поглядывал на часы и просил ребят не шуметь.

– Прекратите галдеть! Подождем еще пять минут. Вы же ее знаете, бантики, наверное, прикалывает.

– Какие бантики на спортивной форме?!

– На Пакизку милицейскую фуражку надень – так она и на нее гирлянду прицепит.

– Или кружева пришьет.

– Нет, брошку бисерную вместо кокарды пришпандорит.

Но то, что увидели ребята через минуту, превзошло все их шуточные предположения: выскочив из-за угла, придерживая руками огромные белые банты – заколки в волосах, к ним неслась Пакиза. На ней было невероятно – зеленое сатиновое платье с кроваво-красными букетами маков и островками каких-то неизвестных науке желтых цветов. Подол был оторочен голубой шелковой каймой, на талии завис серебристый пояс, неуместный даже при такой фантастической безвкусице.

– Извините, – смущенно произнесла девочка, снимая с плеча плетенную сумочку с дорожной провизией.

– Никак не могла погладить платье, утюг испортился.

– Пакиза, девочка, – подавляя приступ смеха, сказал классный руководитель, – в дороге удобнее спортивная форма. Мы же так договаривались? Ну, ладно, по коням! Поехали.

– Пакиза, – насмешливо поинтересовалась одна из девочек, нагнувшись к ее уху. – С бабушкиного одеяла содрала?

– Нет, она сама мне отдала, – ответила Пакиза, не замечая презрительно-ехидных ноток в голосе одноклассницы. – Бабушка стегало новое одеяло. Большой кусок остался. Мы с ней вместе кроили. Красиво, правда? Как весенний луг!

– Виселицы не хватает на этом лугу! – постучала по лбу подружка.

– Почему?... – недоуменно спросила Пакиза.

– По кочану!

Автобус весело катил на неровностях и разбрасывал из-под колес брызги мелкого щебня. Город остался далеко позади. Вдали уже виднелись вершины холмов и большой мост через немногочисленную пока реку. Очень скоро с гор сойдут снега, и тогда река закипит, забурлит, понесет мутные воды, рыча и разбрасывая, словно щепки, огромные булыжники.

– Останови тут, Саша! – сказал классный руководитель, когда по обе стороны дороги показались чудесные майские луга. – Пора подкрепиться.

– Как здесь красиво! – в один голос ахнули девочки. – Сколько цветов! Можно мы соберем букеты?

– Зачем же, девочки? – послышался огорченный голос Пакизы. – Цветы завянут в пути, и вы их выбросите. Это же полевые цветы. Бабушка говорит, они не любят рук... Лучше просто пройдемся по лугу. Господи, как в раю!

Пакиза вошла в восхитительные волны зеленого травяного моря, на которых горели ослепительно-алые пятна маков и сверкали маленькими солнцами островки ярко-желтых одуванчиков. По дальнему краю луг сли-

вался с голубой кромкой неба, где парили прозрачные белые облака. И тут все заметили вдруг, что пестрое платье Пакизы слилось с весенним лугом. Ее огромные банты порхали над цветами, как легкие облака, а голубая оторочка напоминала краешек неба. Девочка будто растворилась, смешалась с одуванчиково-маковым лугом, зеленой травой и чистыми майскими небесами. Одноклассники молча, с удивлением наблюдали эту картину. Классный руководитель и сам был потрясен.

– А кто-то говорил, что у Пакизы дурной вкус... – прервал он молчание и указал глазами на серебристую паутинку, зависшую между стебельками высокой травы и сверкающую мелким бисером влаги. – И даже поясok у нее такой.

БЯКА

Поначалу к ней относились, как к местной юродивой. По утрам неопрятного вида черно-серая ворона с тремя остевыми перьями вместо хвоста садилась на островерхую крышу беседки и, вытягивая вперед шею, начинала что есть мочи орать: «Бя-а-а, бя-а-а, бя-а-а!» Сперва эти крики вызывали изумление жильцов. Некоторые – такие, к примеру, как старая Луму-хала – видели в этом недобрый знак.

– Вороны овцами блеют! – пророчески вскинув костлявый перст и закатив к небу водянисто-серые рыбы очи, вещала старуха, сидя у распахнутого окна. – Близок! Близок судный день!

– При такой жизни и рыбы воробьями зачирикают! – смеялся в ответ ее сосед Вадим. – В море мочи и хлора больше, чем воды. Я недавно на рыбалке леща пой-

мал. Так у него водоросли на спине росли. Как шерстью оброс, блин.

– Погрязли люди в грехах, – назидательно продолжала старуха. – Близок! Близок день гнева Аллаха!

Блеющей вороне, тем временем, был абсолютно безразличен судный день календаря, и она, преследуя свои корыстные цели, бесстрашно опускалась на землю, прихрамывая, увязывалась за кем-нибудь с мусорным ведром.

Отсутствие кошек во дворе делало эту птицу еще смелее. Обычай хромой блеющей вороны сопровождать хозяек на помойку был, наконец, замечен и верно истолкован: ее стали прикармливать. В плохую погоду, когда по объективным причинам, харчей становилось меньше, ворона начинала прохаживаться перед подъездом одноблочного дома и издавать жалобные ягнячьи звуки. Хромота ее еще более усиливалась. Такая тактика давала положительные результаты – кто-нибудь непременно выносил и бросал несчастной калеке кусочек хлеба или колбаски. Насытившись, Бяка, как ее успели прозвать жильцы одноблочной многоэтажки, улетала вздремнуть на разлапистую ветку сосны. Там, в окружении густых игольчатых стен ее не доставала непогода. Вскоре кто-то из жильцов заметил, что, сытая Бяка переставала хромать.

– Бестия! – смеялись соседи. – Вот и говори теперь о «птичьем уме»! Где она набралась такой хитрости?

– Поживешь среди нашего брата, и не такого наберешься.

К Бяке вскоре настолько привыкли, что ей уже не приходилось притворяться хромоножкой. К ней были снисходительны за ум и изобретательность. Птица ста-

ла местной достопримечательностью, а жильцы соседнего двора называли ее «вороной из седьмого дома».

Но однажды теплым и солнечным октябрьским утром никто не услышал привычного голоса Бяки.

Кто удивленно, кто озабоченно, выглядывали жильцы в свои окна, оглядывались – крылатой притворщицы не видать!

– Ай! – вдруг послышался возглас Айбениз, выходящей из блока с мусорным ведром. – Чтоб тебе провалиться негодник!

Прямо перед входом в подъезд сидел здоровенный пятнистый кот, довольно жмурясь и умывая морду лапой. Рядом валялись несколько черных остевых перьев вороньего хвоста.

– Кот Бяку сожрал! – причитала Айбениз. – Мерзавец! Мало ему курятины на помойке!

Печальная весть о трагической кончине «вороны из седьмого дома» быстро облетела жильцов и огорчила абсолютно всех. Даже старуха Луму глубоко вздохнула и покачала головой.

– Конец света переносится на более поздний срок... – грустно произнес Вадим, отправляясь на рыбалку. Он пнул ботинком пятнистого кота, который, обиженно мяукнул, молнией вскарабкался на оливковое дерево. Соседи вскоре смирились с утратой, но кота все же со двора согнали. Время от времени, сидя на скамейке перед домом, кто-нибудь да и произносил, вздохнув печально:

– А помните Бяку? Жаль бедолагу. Умная была. Как ее угораздило коту в лапы попасть?..

Прошла слякотная, дождливая зима. И однажды, в самый канун весеннего праздника Новруз, знакомое «бя-а-а», доносившееся с мокрой крыши беседки, заста-

вило жильцов дома прильнуть к окнам. Да – да, именно «бя-а-а»! Не «кар-кар», не «кра-кра» и даже не «кукареку», а – «бя-а-а»!

– Бяка вернулась! – закричала снизу Айбениз, чуть не выронившая из рук мусорное ведро. А птица, опустившись на землю, стала важно прохаживаться, виляя бесхвостым задом. Там, где должны быть черные остевые перья, виднелось короткое, едва проклюнувшееся новое хвостовое оперение. Соседи повылазили в окна, радостно приветствуя драную бесхвостую птицу. Бяку встречали, как земляка-космонавта, воротившегося из длительного космического полета.

– Ай да ворона! – восхитился Вадим. – Всем воронам ворона! Зверь, а не ворона!

Обрадованные возвращению блеющего дворового талисмана, соседи понакидали перед Бякой столько всякого угощения, что она и сама несколько опешила, и, на всякий случай, снова стала прихрамывать, втянула голову и чуть-чуть приоткрыла клюв, приняв жалкий вид несчастной твари: Кто их знает, этих людей? А вдруг что недоброе задумали? Уж чрезмерно щедры. Вот, даже эта злобная старуха, которая прежде пялила на нее свои рыбы глаза и говорила что-то явно нехорошее – сейчас бросила Бяке кусочек бараньего жира. Но опасения вороны вскоре рассеялись, она перестала хромать и дергаться и принялась неторопливо склевывать кусочки сосисок, булочек, котлеток и даже праздничной пахлавы с миндалем.

– Интересно, все же, – покачивая головой, проговорила Айбениз, – почему она овцой блеет? Ворона, как никак. Каркать ей положено...

– А почему бы и нет? Каркают же воронами некоторые люди, – Вадим с усмешкой показал глазами в сто-

рону балкона старухи, Луму. – А Бяка наша умница! Увидишь, она однажды и человеческим голосом заговорит.

– Ага, и попросит тебя поймать для нее мохнатого леща! – засмеялась Айбениз.

– А что! И поймаю, мне не жалко.

НЕ ОТПУСТИТ ТЕБЯ БЫРАЙТУ!

*Моему выдающемуся земляку
Фарману Курбановичу Салманову
посвящается*

Жене, наконец, удалось настоять на том, чтобы он провел несколько дней на даче. Требования ее были трудновыполнимыми: полная изоляция! От всех и всего! Никаких дел, бумаг, переговоров, посетителей. Связь по телефону – только с ней. Но она была так решительна и непреклонна, что муж уступил. А ведь жена права, черт побери! Семьдесят пять лет – и ни дня отдыха. По крайней мере, он такового не припоминал. Сейчас, сидя в кресле, в кабинете головного офиса компании, он в последний раз перед отъездом на подмосковную дачу, перебирал бумаги, делая необходимые пометки, давая указания секретарю. Без конца звонил телефон. Он не отвечал.

– Да-да, выключи, – ответил он на вопрос секретаря, тотчас с готовностью отключившего все телефоны. Из большой пожелтевшей картонной папки, которая невесть с каких пор лежала на дне нижнего ящика стола, неожиданно выскользнуло старое черно-белое фото, изломанное по краям. Секретарь поднял его с пола и положил перед шефом.

– Ты смотри! Как она тут оказалась?

Это мы с экспедиционной группой на Таймырском озере. Страшно подумать, сколько лет прошло. Начало, так сказать, пути, – шеф тихо, хрипловато засмеялся. Но в глазах мелькнула грусть. В какой-то миг он будто переместился на полстолетия назад. И снова очутился там, у истоков верхнего Таймыра, у истоков своих тягот, мук, потерь и радостей. У истоков своей славы...

* * *

– Сейчас тебе тяжело. Так будет еще долго, – едва заметно раскачиваясь на месте, вполголоса говорил старый охотник Очкун. Угольки в самодельной печушке то и дело вспыхивали, разбрасывая красноватые искры. И тогда он замолкал, вглядываясь в короткие языки пламени, пожирающего поленья. – Огонь ест дерево. И умирает, когда нечего есть. Как человек...

– Ты сказал, что мне предстоят еще многие трудности, – попытался вернуть его к началу разговора Салим, протягивая ладони поближе к огню.

– Я помню, что сказал, – прищурив и без того узкие глаза, ответил охотник. – И еще я помню, что сказал мой отец, мой дед и дед моего деда...

– Сколько же тебе лет? – усмехнулся Салим. – Неужели в ваших краях так долго живут? При такой суровой жизни я и до двадцати лет не дотянул бы. На моей родине даже зимой снег большая редкость. И не представляю, как смогу пережить ваши морозы.

– Переживешь! Много зим встретишь и проводишь здесь. Очень много! Уедешь на родину – и снова вернешься. Не отпустит тебя Кейек Бырайту.

– Это еще кто такой? Местное высокое партийное начальство?

– Кейек Бырайту – друг огня. Тот, за кем ты сюда явился, – задумчиво произнес Очкун. – Он спит там, глубоко под тайгой, укрывшись ледяным пологом. Ты разбудишь его, и хлынет черная кровь Кейека на белые снега. И отступят снега...

– Нефть! Не это ли черная кровь твоего динозавра? – оживился Салим.

– Много разных сокровищ хранит Бырайту. Не всем отдает. Иных и сам забирает, – не обращая внимания на вопрос Салима, продолжал Очкун. – Тебе отдаст! И привяжет твою душу к холодным рекам и суровым снегам своих заповедных владений.

– Не отпустит тебя Кейек Бырайту, не отпустит... – снова повторил старый охотник. – Он не отпускает тех, кого окропит своей кровью.

– Если ты о нефти, то и на моей родине она есть. Да еще какая! А я ищу ее тут! Вот найду, разбужу твоего Кейека и обратно, домой. – Салим потер руки, размял потеплевшие пальцы и, откинувшись к бревенчатой стене, мечтательно зажмурился. – В море окунись, инжира наемся, шамхорского вина напьюсь! Тебе не понять, старый...

– Я не старый. Я вечный! – хитро улыбнулся Очкун-охотник. В узких щелочках его глаз сверкнула и исчезла таинственная искорка. За стенами избушки вьюга, подывая и посвистывая, стуча в окошко, как в бубен, читала свои шаманские заклинания. А здесь, внутри, было тепло. Очень хотелось спать.

Охотник подошел к Салиму, похлопал его по плечу. – А ты вставай, вставай! Не теряй времени на сон!

* * *

Салим Агаевич очнулся. Он удивленно разглядывал склонившихся над ним людей с тревожными лицами. Огляделся по сторонам, ничего не понимая. Полутемная, задымленная избушка, сменилась просторной больничной палатой.

– Вот и славно! – произнес седой мужчина в белом халате. Остальные облегченно качали головами и улыбались. Рядом сидела жена и тихонько всхлипывала. – Напугали Вы нас, Салим Агаевич. Сам Президент тревожился о Вас! Весь Минздрав на уши поставил! Теперь доложим ему, что все, слава Богу, обошлось.

– Сколько раз я просила тебя отдохнуть! – вытирая платочком слезы радости, сменившие слезы тревоги, говорила жена. – Ну, ничего. Вот уж доктора об этом позаботятся.

– Да что происходит, черт возьми? Почему я здесь? Где Очкун?

– Бредит?.. – жена испуганно посмотрела на доктора.

– Возвращается! – с улыбкой ответил тот. – Ничего, отлежитесь маленько, Салим Агаевич, а потом айда в родную прикаспийскую теплынь. Завидую Вам! Инжира наедитесь, в море окунетесь...

– Шамхорского вина напьюсь... – тихо продолжил за него пациент.

– Только не очень, того, – засмеялся доктор. – Не до краешка.

– Нинула, – обернулся Салим Агаевич к жене, не слыша комментария доктора, – а давай-ка мы с тобой лучше в Тюмень махнем!

– Затосковал я что-то по Бырайту. Не отпускает, дьявол... Ты убедил меня, старый охотник, – закрыв глаза, подумал про себя Салим Агаевич. И услышал в ответ, – Я не старый. Я вечный...

ПОЧЕМУ У ВЕРБЛЮДА НЕТ КРЫЛЬЕВ

В суеславии возгордившимся

«Если б у верблюда были крылья, он снес бы все крыши», – гласит народная мудрость. Но она не договаривает: были некогда крылья у верблюда. Да еще какие! Огромные, роскошные, как у архангела, крылья украшали спину верблюда. Чего он тогда не имел, так это горба. Горб появился гораздо позже. И вот как это случилось.

Таким большим, губастым и неуклюжим верблюд был и прежде. Но стоило ему расправить крылья и взлететь, как у остальных земных тварей перехватывало дух. Что за зрелище! Не чуя под ногами земной тверди и обретая небесную легкость, верблюд так забывался в чарующем волшебстве полета, что частенько залетал слишком уж высоко.

– Кыш, кыш отсюда! – возмущались архангелы верблюжьей бесцеремонности, когда, растопырив длинные голенастые ноги и изогнув шею подобно гигантскому лебедю, он стряхивал с облаков ангелов рангом пониже. – Ты что себе позволяешь, окаянный? Орлы и те так не возносятся! Неровен час, и до Сияющих Чертогов долететь удумаешь...

– А чем я хуже вас? Коли померяемся крыльями, так и мои не меньше ваших окажутся, – надменно откинув молотовидную голову, отвечал им верблюд. Своим от-

ветом он ввел архангелов в оторопь. Они стояли, хлопая глазами, в тревоге и недоумении теребя бороды. А после, предусмотрительно прикрыв облаками крылья, чтоб верблюд не вздумал к ним примеряться, попытались еще раз урезонить его.

– Видишь ли, верблюд, тебе крылья даны для того, чтоб летать. А наши крылья – это символ сути небесной. Каждое перо в них божественным духом осенено...

– А мне кто, по-вашему, крылья дал? – перебил их верблюд. – Видите, какие огромные? Если б желал, чтоб я летал ниже, дал бы мне воробьиные. Ему, чай, виднее.

Не стали спорить архангелы с верблюдом. Отряхнули с подолов брентную земную пыль, что нанес он на небеса своими верблюжьими стонами, и отправились к Сияющим Чертогам.

– Отними у верблюда крылья, возгордился он сверх меры всякой! – стали жаловаться архангелы Богу. – Даром, что телом велик. Ума-то у него с горошину. Того и гляди, сюда пожалует.

– Не пожалует, зря волнуетесь, – спокойно ответил Бог. – Я ведь крыльями его одарил из жалости, чтоб как-то скрасить его уродство. Полетает, полетает, устанет и вернется на землю. Там его пища и обиталище.

– Но ведь, как и всякое летающее создание, он и нужду на лету справляет, – остерегаясь слишком уж разгневить Бога, тихо промолвил один из архангелов. – Твари земные жалуются...

– Неужто так возгордился! – рассердился Бог. – Ну, так пусть обрастут шерстью крылья его!

Оттого-то и не смог верблюд однажды расправить сложенные на спине крылья, чтоб пролететься поутру.

Обросли они бурой жесткой шерстью, образовав чудной горб, который он с тех пор и носит.

ВЕРНАЯ ПОДРУГА

– Успокойся, успокойся, милая, – поглаживала Хаят плечо Сары, захлебывающейся слезами. – А то я ничего не могу понять. Объясни по порядку. Что стряслось на этот раз?

Хаят и Сара дружат с пятнадцати лет, когда-то сидели за одной партией, доверяли друг другу свои самые сокровенные тайны, делились планами, выручали не раз одна другую – все как положено у закадычных подруг. Нынче, когда обеим за сорок, их дружба стала чем-то большим, годы привязали женщин друг к другу крепче сестер. Несколько лет назад Хаят рассталась с мужем, и он вскоре уехал из страны. В позапрошлом году дочка решила погостить у отца, да и загостилась, видно, навсегда. Хаят не противилась этому. В конце концов, и рыба ищет, где глубже. Прежде Хаят часто представляла себе пышную свадьбу единственной дочери, с вереницей дорогих автомобилей, украшенных лентами и цветами, сверкающий зал дорогого ресторана и свою красавицу Айшу в свадебном танце «Вагзалы». В такие минуты слезы наворачивались на глаза. Вообще, мелодия «Вагзалы» всегда вызывала у нее слезы, где бы она не звучала, будь то в соседнем дворе или по телеку. Но, видно, ей не суждено плеснуть чистой воды вслед покидающей родной дом дочери.

Там, на чужбине, она уже обзавелась женихом. Сообщила об этом матери по телефону. У них состоялась помолвка, отец одобрил выбор девушки. Айша велела

матери обзавестись загранпаспортом и ждать приглашения на их с Кнутом свадьбу.

– Имя-то какое – Кнут. Что ж, доченька, будем надеяться не тот, чем стегают, – качала головой Хаят.

Хорошо, что семья подруги юности Сары всегда рядом. Отношения со своими родственниками у Хаят более чем прохладные. Без Сары, ее двух сыновей-подростков было бы смертельно одиноко! Муж Сары часто отсутствует, работает в море. А когда приезжает, первым делом просит сменить наволочку на своей подушке, пропахшую духами Хаят. Младшего сына Сары Хаят просто обожает. Мальчик очень похож на свою маму в юности.

– Сара, Валид будто срисован с тебя! Когда я смотрю на него, вспоминаю, как мы с тобой листки из дневника выдергивали. Помнишь, Ирина Львовна исписала однажды тебе всю страницу красными чернилами, а потом мы заменили ее страницей из моего дневника, – смеялась Хаят, кивая в сторону Валида. – У него сейчас точно такое выражение лица, как у тебя тогда. Смотри, он и головой мотает, как ты.

Подругам всегда было, что вспомнить. Четверть века делили они печали и радости. Хаят такая необыкновенная, она столько раз за все годы их дружбы помогала Саре выходить из затруднительных положений!

Вот и сейчас пытается найти выход.

– Ночные звонки просто уничтожают меня, – всхлипывала Сара. – Если бы ты слышала это шипение и хихиканье, эти грязные словечки! Мурашки по телу бегут.

– Отключай на ночь телефон.

– А вдруг папе станет совсем худо?

– Купи маме сотовый.

– Купила. Она не может им пользоваться. Учила я ее, учила – никак!

– Заяви в полицию, пусть поставят телефон на прослушку, – воскликнула Хаят. Она рассердилась не на шутку. – Уж они-то разберутся с этой мразью. Тебе угрожают?

– Нет, просто изводят, – Сара выпила протянутую подругой валерьянку. – Я вскакиваю среди ночи в холодном поту, даже если нет никаких звонков. Они мне снятся!

– А как Сабир к этому относится?

– Никак. Спит, как камень на дне колодца.

– Слушай, – вдруг озадаченно свела брови Хаят, – помнишь, пару лет назад к вам гаденькие письмишки приходили? Может быть, это та же сволочь возобновила свою «деятельность»? По-моему, все же следует заявить в полицию.

– Сабир не позволит, – возразила Сара. – Кому приятно сознавать, что все телефонные разговоры еще кем-то прослушиваются? И вообще, он всерьез эти звонки не воспринимает. Говорит, что влюбленные школьницы дурачатся. Школьницы! Так портовые грузчики не выражаются!

– Ты слишком хорошего мнения о школьницах. Может быть, твой муж и прав.

– Нет, Хаят, нет, – качала головой Сара. – Я чувствую, что это чей-то злой умысел, направленный именно против меня. Кому-то вздумалось задержать меня до смерти.

– А ты помогаешь этой твари, принимая все так близко к сердцу.

* * *

Домой Хаят вернулась поздно. Она очень устала. Сара утомила ее. Хорошо, что завтра воскресенье, и можно насладиться уютом любимого кресла перед телевизором. Переключая каналы и попивая яблочный сок, Хаят наткнулась, наконец, на интересную передачу. Но вскоре дрема одолела, и она уснула. Ей даже стало что-то сниться. Снился перрон вокзала, который неожиданно преобразился в порт со множеством кораблей под иностранными флагами. Потом порт вдруг превратился в посадочную полосу. На нее, неуклюже хлопая крыльями, стал садиться пассажирский лайнер. И было слышно, как громко матерился диспетчер.

Хаят вздрогнула и открыла глаза. Посмотрела на часы. Было около двух. Она выключила телевизор, подняла трубку телефона, притворно вздохнула и стала набирать номер своей любимой подруги Сары, с которой четверть века делит печали и радости...

ЧЕРНЫЙ ОСЛИК, БЕЛЫЙ ОСЛИК

Когда к стойлу черного ослика подвязали молодого, красивого белого осла, он несказанно обрадовался: вот и появился тот, кто поделит с ним поклажу! Но прошло много дней, а мешки и горшки, по-прежнему, вьючили только на него одного. Он, как и раньше, один носил на базар тюки с шерстью и хлопком, огромные корзины с дынями и арбузами, глиняные кувшины с маслом и медом. Но не думайте, что обратно черному ослику приходилось возвращаться налегке – обратно он вез муку с мельницы, соль с озера, глину с голубого холма. Вся спинка горемыки была в рубцах и ссадинах, шерсть на

боках стерлась, подпруга впивалась в кожу побольнее ножа. А молодого, здорового белого осла почему-то холили. Хозяйский слуга каждый день чистил его, надев шероховатую рукавицу, расчесывал короткую гривку, поил чистой, холодной водой. И кормили его отменно. Черный ослик никак не мог взять в толк: какая же хозяину в этом корысть? Почему так нежат этого белобочкого красавца? Почему только он, черный ослик, должен таскать ненавистные корзины и тюки? Он не завидовал, чувство зависти незнакомо ослам. Было просто досадно. Ведь даже тогда, когда он стоял ненавьючен, спина непроизвольно, по привычке, прогибалась.

– От тяжелых воспоминаний, наверное, – смеялись слуги.

– Чему же ты удивляешься, старина? – похлопывал его по выгоревшей хребтине один их хозяйских слуг. – Твое дело поклажу нести. Одно слово – ишак! А брату твоему белоногому другая судьба. Ему красивым и ухоженным быть полагается. А как же? Его хозяин для своей престарелой хворой матушки купил. Будет он барыню на прогулку возить. Лекари так присоветовали.

– Так вот в чем дело! – еще больше опечалился черный ослик. – Повезло братцу, ничего не скажешь. Только и делов, что старушку вдоль речки прогуливать.

– Но ты не больно грусти, друг, – продолжал слуга, усмехнувшись. – Не знать, кому повезло больше. Белый, хоть и не ишак, но все равно осел.

Смысл этих слов черный ослик понял через несколько дней, когда однажды утром его белого собрата, украшенного серебряными бубенцами и шелковыми кисточками, гордого и надменного, поцвели к ступенькам хозяйского дома. Из дверей дома, с трудом поддерживая под локти, слуги вывели старую барыню, люби-

мую матушку хозяина. У белого ослика при виде женщины, даже сердце которой заплывало жиром, коленки задрожали еще до того, как эту гору мяса и сала, увешанную золотом и парчой, водрузили на него. Тяжело дыша, барыня устроила поудобнее на атласной подушке свой необъятный зад, свесила почти до земли толстые ноги в сафьяновых тапочках, ухватилась за уздечку и с силой потянула на себя. У белого ослика хрустнули позвонки и потемнело в глазах. А тут еще слуга стал похлестывать прутиком по ногам. И куда подевался весь его гонор! Да, недобрую услугу оказала ему красота... Непривычный к такой ноше, белый ослик к полудню так устал, что и воды хлебнуть сил не осталось. У него стучали зубы, и отборный ячмень высыпался изо рта непережеванный. А хворая чрезмерным чревоугодием матушка хозяина день изо дня становилась все тяжелее и тяжелее.

– Не выдюжит белый, околеет, – переговаривались хозяйские слуги. – Черному было бы привычнее.

– Хозяйка белого желает, капризная, ничего не подделаешь.

Так и случилось. Не выдюжил.

Околел белый гордец. Споткнулся однажды на ровной дороге, упал да и любимую матушку хозяина напугал до смерти. И она свои жирные бока синяками украсила.

Содрали тогда шкуру с околевшего осла (не пропадать же добру!), подсушили, подваляли... и сделали попону черному ишаку.

– Хоть какая польза, не потревожат больше тугие веревки старых рубцов, – сказал один из слуг, укрывая спину животного куском белой шкуры.

– Вот и поделят они поклажу, – засмеялся другой.

ДЕРЖИ ВОРА!

Молодой человек, наконец, оглянулся на срывающийся оклик пожилой женщины. Она делала ему знаки. Размахивая старой кожаной сумкой и одновременно указывая в сторону, слабым старческим криком она пыталась что-то объяснить. Мужчина посмотрел туда, куда старушка стала показывать еще оживленнее. Старая женщина в ветхом зеленом жакетишке и стоптанных башмаках, сумев заставить его обернуться, и вовсе разволновалась. Но ничего, кроме отъезжающего такси с пассажиром на заднем сидении, он не увидел. Старушка продолжала отчаянно махать и кричать. Мужчине удалось, наконец, разобрать отдельные слова.

– ...бумажник... держите... остановите... – верещала старушка, срывая голос. По тому, как рядом никогда не было, он понял, что она обращалась за помощью именно к нему. Он остановился и стал качать головой в знак сочувствия. Было очевидно, что у бедной женщины умыкнули кошелек, и она просила догнать воришку.

Жаль, конечно, ее, но не думает же она, что сейчас, вот, он бросит все и станет догонять жулика в такси, которое, кстати, уже давно исчезло из виду. Женщина, тем временем, приближалась к нему, продолжая что-то говорить и жестикулировать.

– Ну что вы раскричались, бабуся! Поздновато. Прежде надо было следить за своей сумкой. Успокойтесь, успокойтесь. А то, не дай Бог, случится что с сердцем – только этого и не хватало.

– Я же вам кричу... кричу... машу... – задыхаясь и хватаясь рукой за сердце, говорила старушка, до сипоты сорвавшая голос. – Он же кошелек украл...

– Это я уже понял, бабуся, – перебил ее молодой человек. – Что же, предлагаете мне за такси бежать?

– ...Пока в такси не сел, догнали бы, – едва переводила дыхание женщина.

Она еще больше занервничала оттого, что ей не дают договорить. – ...Я ж вам кричу... бежать-то не могу... а вы и не глядите... Не угнаться мне...

– Куда вам угнаться за ним! Я, конечно, вас понимаю, небось, всю пенсию спер, негодяй. Но вы бы его все равно не догнали, – пытался мужчина урезонить старушку и продолжить свой путь.

– ...Вы бы догнали... я же кричу... кричу... а вы и не глядите... – в который раз повторяла она.

– Извините, бабуся, но бежать за жуликами не моя забота. В полицию обращайтесь. Здесь недалеко, вон за тем зданием отделение, как раз. – Настырная старуха начинала его раздражать. – Берегите сердце, бабушка! А деньги – дело наживное. В другой раз крепче держите, чтоб не украли.

– Так ведь у вас украли, а не у меня! – отдышавшись, наконец, сказала женщина.

– Что? Как, у меня? Не может быть! – молодой человек полез в карман, куда выходя из магазина, опустил бумажник, но там ничего не было. Он чуть не расплакался от досады, схватился за голову и стал кричать на старушку, перейдя на «ты». – Что же ты сейчас об этом говоришь? Что же ты молчала, дура старая?

– Сам дурак! Невежа! – рассердилась старая женщина. – А кому я ору битый час? Идет себе, не оглядывается! Вы когда из магазина выходили, кошелек мимо кармана опустили, видно. Я заметила, подняла, побежала, было, за вами. Да куда мне угнаться, шибко быстро ходите. Окликнуть пыталась – не оглядываетесь. Тут

рядом этот мужчина оказался, тоже из магазина выходил. Солидный, приличный с виду, немолодой, одет хорошо. Давайте сюда, говорит, я догоню его (это он про вас). Я и отдала ему ваш бумажник. А он вдруг сорвался и деру дал. Но вы-то помоложе, догнали бы. Если б обратили внимание на меня. Я все кричу, кричу, машу, машу...

– Господи! Что же делать? Что же делать? – молодой человек раскачивался на месте, держась за голову. Боялся, видно, и ее потерять. – Там удостоверение, ключ от квартиры, пенсионные карты родителей, деньги... Что делать?..

– В полицию идите, – не без ехидства произнесла старушка. – Здесь недалеко, вон за тем зданием...

ТЕЗКА

Супруга иранского шаха Реза Пехлеви, красавица Фарах, для Халида-ами была идеалом женской красоты и достоинства. Те, кто когда-либо видел ее (или ее фото), непременно отмечали сходство шахини Фарах с известным изваянием Нефертити. Многие ее так и называли – Нафрийт. Даже став матерью четырех детей, эта царственная женщина не потеряла своего обаяния, некоей мистической притягательности и обворожительности. Она была символом восточной женщины: сочетала в себе восточное изящество и таинственность с западной образованностью и коммуникабельностью. Хотя, еще рано говорить о госпоже Фарах Пехлеви в прошедшем времени. Она здравствует и ныне. Живет с детьми вдали от родины, куда забросили ее кровавые события иранского переворота конца 70-х годов.

Халид-ами, будучи поклонником красоты и женственности экс-шахини, назвал в ее честь свою внучку, которая родилась в 1977 году. Видимо, желая видеть девочку такой же счастливой. Но, оказалось, что и счастье королей бывает призрачно. Как и простые смертные, и они подвластны року. Ничего с этим не поделаешь...

Фарах, внучка Халида-ами, тоже выросла пригожей. Но и ее счастье, помаячив белым парусом в золотых лучах, было разбито о рифы исторических перемен. В конце 90-х, когда она только-только поступила в консерваторию, семья ее жениха решила переехать в Израиль. Желания молодых в расчет не принимались. Родители считали, что на родине у их Дауда «нет будущего». Правда, Фарах тоже было предложено уехать с ними, вступив с ним брак, но она еще не была к этому готова. Ей хотелось походить годик в невестах и насладиться жениховством. Да и оставлять своих близких, бросать все ради неизвестности казалось неправильным выбором.

Так и были молодые разлучены, не успев соединиться в брачном союзе. Фарах переживала разлуку с любимым тяжело. А когда через несколько месяцев пришло известие о его гибели во время взрыва в кафе, бедная девушка впала в такую глубокую депрессию, что родные всерьез стали опасаться за ее здоровье. Она чахла на глазах, потеряла интерес к окружающему миру, не желала общения с друзьями и близкими.

Но – время лучший из докторов. Понемногу юная Фарах пришла в себя, и жизнь стала вновь обретать прежние краски. Через два года отец, убедившись, что с дочкой все в порядке, уехал на Север России. Там ему предложили работу с весьма приличным заработком.

Юридическая фирма земляков, действительно, процветала и приносила хорошую прибыль. Однако, все вскоре лопнуло, будто мыльный пузырь, и отец вместе с двумя коллегами-земляками оказался на скамье подсудимых. На имущество фирмы был наложен арест. Все было утрачено в одночасье. Это известие стало роковым для матери Фарах. Она слегла и через полгода умерла, тая, как свеча, у всех на глазах. Беда, как видно, не ходит одна.

Халиду-ами и Фарах, которую дедушка по-прежнему называл «моя шахиня», предстояло жить на небольшую пенсию и заработки от ее учеников. Но иные времена внесли изменения в реестры духовных ценностей. Поэтому обучаться игре на фортепиано желали не так, как в прежние годы. Заработки Фарах от уроков были не ахти какие. Одна сердобольная родственница пыталась пристроить девушку домработницей в богатые дома. Но в последний момент хозяйки отказывались от ее услуг. Вероятно, опасаясь проблем со своими мужьями или взрослыми сыновьями, которым молоденькая служанка могла «вскружить голову». Фарах решила не тратить время попусту и до тех пор, пока не найдет подходящую работу, устроилась посудомойкой в одном из ресторанов подальше от центра города. Чтоб не расстраивать деда, она сказала ему, что нанялась гувернанткой в очень приличный дом, а позднее возвращение домой объясняла тем, что хозяева, будто, просят подольше побыть с ребенком. За это ей немного доплачивают.

– Когда же ты свою жизнь будешь устраивать, детка? – с горечью спрашивал дедушка. – Ведь и я не вечен. Доживу ли до твоей свадьбы...

– А вот попробуй только не доживи! – отшучивалась Фарах. Дед вздыхал и, качая головой, уходил в свою комнату. Последнее время он ощущал угрызения совести от того, что внучка возвращается домой усталая и разбитая. К тому же, и вся домашняя работа, и забота о нем ложились на нее плечи. Не слишком ли тяжек для них такой груз?.. Он чувствовал себя обузой. Когда-то Халид-ами очень гордился тем, что его обожаемая внучка носит имя одной из самых знатных и красивых женщин мира. Сейчас эта мысль вызывала у него горькую усмешку.

– Видно, обладательницам этого имени судьба припасла самые неожиданные и суровые испытания, – глотая старческие слезы, шептал Халид-ами. – Да вознесут тебя ангелы над терниями, моя маленькая шахиня! – шептал дед, запирая за внучкой дверь.

Хозяйин заведения, куда Фарах устроилась посудомойкой, выдвинул условие: все свободные от мытья посуды женщины обязаны «прибирать территорию» при необходимости. То есть, подметать, мыть полы, пылесосить ковры и т.д. Никто не возражал. Тем более, что хозяин был не так прижимист, как другие, говорил с женщинами на «Вы» и доплачивал за дополнительную работу. А сейчас, когда сезон шумных свадеб и головокружительного количества грязной посуды еще не настал, уборка помещений рассматривалась как само собой разумеющееся. Пожилая уборщица не особенно утруждала себя, порой даже злоупотреблял безропотностью девушек-посудомоек.

Фарах знала, что сегодня с утра ей придется отмыть мраморную лестницу и керамическую плитку у входа. Поэтому она пришла пораньше. Чтоб сделать это до редких утренних посетителей. Не хотелось неприят-

ных неожиданностей в виде знакомых лиц, удивленных взглядов и бестактных вопросов.

Фарах закончила уборку. В кухне тоже был порядок. Стряпухи пришли совсем недавно и делились новостями, повязывая фартуки и косынки. Фарах решила, что может позволить себе маленькое удовольствие и села за рояль на возвышенности в левом углу зала. Обычно музыканты пользовались синтезаторами. Но иногда, очень редко, клиентам хотелось послушать «настоящую» музыку. Вот на этот случай и стоял в зале рояль, а рядом на стульях лежали зачехленные другие инструменты – тар, кяманча, кларнет. Хозяин ресторана серьезно относился к своему делу, капризы клиентов были святы для него.

Фарах открыла крышку рояля, взяла несколько аккордов и заиграла мелодию «Сары гялин». Она играла негромко, но так вдохновенно, что не заметила мужчину-иностранца, который подошел и встал по правое плечо.

– Bravo! – трижды хлопнул в ладоши и произнес он с характерным европейским акцентом. – Вы замечательно играете. Но почему здесь это? Нехорошо приклонять швабру к роялю! – А это мой главный инструмент, – ответила Фарах. – Из него я извлекаю то, что, к сожалению, не могу извлечь из рояля. Деньги!

– Ха-ха-ха, – громко засмеялся иностранец. – Вы остроумны, фрейлейн.

Тут Фарах заметила приближающегося к ним администратора, встала из-за рояля и собралась было уйти, но столь ранний посетитель-иностранец остановил ее жестом. Фарах поймала взгляд администратора: можно!

– Я попрошу Вас задержаться, фрейлейн. Если можно, конечно, – сказал немец и повернулся к адми-

нистратору. – Вчера я потерял ключи (он стал объяснять какие), может быть, здесь обронил. Ваши служащие не находили?

Администратор выдвинул ящик столика в углу, куда обычно складывали утерянные посетителями вещицы.

Здесь был футляр от очков, потрепанная записная книжка, дамский веер. Никаких ключей не было.

– Очень жаль, придется ломать замок письменного стола, – огорчился немец. Обернувшись к Фарах, но задавая вопрос администратору, он спросил – Я могу попросить даму исполнить еще какую-нибудь мелодию? Мне очень нравятся ваши народные песни.

– Развлекать иностранцев тоже входит в мои обязанности? – подавляя неприязнь в голосе, спросила Фарах администратора Юсифа, когда тот вежливо кивнул в знак согласия.

– Я не могу тебя заставить, но прошу. Разве это так трудно? Человек проявляет интерес к нашей музыке. Что же в этом плохого? – начал было он уговаривать девушку.

– Не беспокойтесь, я заплачу, – недоуменно встрял немец, по-своему расценивший недовольство девушки.

– За это я платы не возьму, – вдруг изменила тон Фарах. – Но и играть сейчас не стану. Если Вам действительно понравилось и если господин Юсиф не возражает, приходите вечером, к восьми – я немного помузицирую для Вас.

– О, sehr schön! – воскликнул немец. – Я обязательно приду.

– Какая ты упрямая! – покачал головой администратор, когда посетитель ушел, вежливо поклонившись

очаровавшей его даме. – А ты ему, кажется, здорово понравилась!

– Вот только немца мне и не хватало!

Посетитель-иностранец терпеливо дожидался Фарах, сидя за столиком неподалеку от рояля. А девушка приводила себя в порядок и отмахивалась от дразнившей ее Беюк-ханым.

– Твой хендехох теряет терпение! Иди, исполни ему Айн-цвай-полицай, – торопила она Фарах.

Увидев направляющуюся к его столику девушку, немец поднялся и вежливо поздоровался с ней.

– Добрый вечер, фрейлейн, – улыбнулся он. – Не спешите к инструменту. Сперва я хотел бы угостить Вас. Что Вы предпочитаете?

– Поскорее оказаться у себя дома! – устало ответила Фарах.

– О, понимаю! Но я не об этом. Что Вы будете пить?

– Какой-нибудь сок. Вина я не пью. Водки тоже, – ответила Фарах, уловив вопрос в его взгляде.

– Похвально. Тогда я закажу десерт. Не возражаете?

– Лучше я исполню свое обещание и поеду домой. Мне не близко.

– Не волнуйтесь, фрейлейн, я отвезу вас домой. Но неужели Вы так и не скажите мне своего имени? – заулыбался немец, и сам представился первый. – Гюнтер Кольт.

– Примечательная фамилия! А меня зовут Фарах. Дед назвал меня так в честь экс-шахини Ирана. Он просто преклонялся перед этой венценосной особой! Вы очень хорошо говорите по-русски. Специально учились или у Вас русские корни?

– Учился. В Москве. Здесь служу в строительной компании. А еще у меня есть интересная семейная история. Рассказать?

– Да, пожалуйста, – учтиво кивнула Фарах, поняв, что гостю это доставит удовольствие. Про себя она подумала: «Лишь бы не уснуть!»

– Мой отец очень поздно женился, и я родился, когда ему было почти пятьдесят лет. Сейчас ему восемьдесят восемь, но он еще весьма бодрый старик. Удивительно устроен мир! Отец строил здесь, в Баку, какие-то здания, будучи пленным. Я тоже строю дома в Баку! Он попал в плен, когда служил в горно-егерской дивизии «Эдельвейс».

Гюнтер замолк, заметив тень, пробежавшую по лицу Фарах.

– Простите, если Вам неприятно такое воспоминание. Но ведь историю не изменить, и все осталось в прошлом. Мы с Вами не можем быть врагами!

– А я об этом и не думала, – ответила Фарах. Ее покорило слово «Эдельвейс». Так называлась фирма, в которой работал отец и которая стала причиной стольких бед.

– Слава Богу! Ведь у меня недавно случилась неприятность по этому поводу. Имел неосторожность рассказать эту историю своей пожилой домработнице, Татьяне Николаевне, очень милой и порядочной женщине. Если бы Вы видели, какая с ней произошла перемена! Оказалось, ее отец погиб под Грозным во время второй Мировой войны, оставив матери четверых сирот.

– А не Ваш ли папаша убил моего отца?! – гневно воскликнула она. – И после этого я буду прислуживать фрицу?! Уж лучше умру с голоду!

Я был так растерян, что не мог ничего ответить. Татьяна Николаевна в тот же час ушла из моего дома, отказавшись даже взять расчетные деньги. До каких пор люди будут, жить прошлым? Это же нелепо!

– Не надо ее винить. Многих вещей Вам не понять. Ну, так мне садиться за рояль?

– Кажется, Вы заспешили...

Фарах играла для гостя (собственно, и для остальных присутствующих) почти полчаса, исполнив все свои самые любимые песни Тофика Гулиева. Гюнтер был в восторге. Подвозя ее домой, уже в машине, он сказал:

– Фрейлейн Фарах, я о многом думал, пока Вы играли. Но не многое понял. Однако бесспорно: Вам не пристало быть посудомойкой!

– Выбор весьма скуден...

– Почему же? Могу сделать Вам выгодное предложение. У меня раз в неделю собираются друзья и коллеги. Вы не согласились бы музицировать для нас? Платить я буду ежемесячно, вдвое больше, чем Вы зарабатываете там. Работа, как говорят, непыльная, да и Вам в радость. Вот моя визитная карточка, здесь все телефоны, по которым можно меня найти. Позвоните, если примете мое предложение. Я надеюсь, что так и будет.

Немец учтиво открыл дверцу автомобиля и дождался, пока Фарах войдет в подъезд. Утром она рассказала бабушке о предложении иностранца, и попросила совета.

– Хорошее предложение. По крайней мере достойнее, чем мыть попку чужому ребенку, – бедный старик и не подозревал, какую работу приходится выполнять его любимой девочке. – Правда, я немного не доверяю этим иностранцам... Не люблю их, сама знаешь.

– А я и не собираюсь любить их, – засмеялась Фарах. – Просто буду ублажать их слух и представлять, что даю концерт. Разве не для этого я окончила консерваторию?

– Да, детка, – вдруг спохватился Халид-ами, – вчера звонил тот молодой человек, Руфат. Очень просил связаться с ним. Говорит, что твой сотовый уже три месяца не отвечает.

– Контуров нет, – помрачнела Фарах. – Деда, если он снова позвонит, когда я дома, не зови меня к телефону. Скажи, что меня нет.

– Но он так просил...

– Я не хочу его видеть, – твердо произнесла девушка, и старик понял, что уговоры бесполезны. Он вздохнул, по обыкновению, и зашлепал закрывать за ней дверь.

По дороге в ресторан Фарах вспоминала размолвку со своим молодым человеком. Воспоминание было неприятным. Она гнала его. Но оно возвращалось и возвращалось.

После двухмесячных ухаживаний Руфат, желая показать девушке серьезность своих намерений, решил познакомить ее с мамой. Фарах очень волновалась перед этой встречей. Она надела новые, дорогие итальянские сапоги на высоченном тонком каблуке, на которые копила всю весну и лето, и легкую блузу, переделанную из старого платья (и вовсе не заметно!).

– Руфат, твои родители знают, что... папа в заключении? – спросила Фарах в канун визита.

– Нет. Я пока ничего не говорил им, – помрачнев, ответил Руфат. – Пусть сначала увидят тебя. Сумей понравиться им, тогда мне будет легче объявить о неприятных подробностях. Если откровенно, я и сам в за-

труднительном положении. У мамы, мягко говоря, сложный характер.

– Я все понимаю... – ответ Руфата покорибил девушку. – Но когда пойдут «ментальные» вопросы, я не смогу лгать.

– А ты и не лги. Скажи: отец по специальности юрист, сейчас находится в России, через год вернется насовсем. Разве это ложь?

– Н-нет... – изумилась Фарах такой увертливой форме ответа, какую предлагал Руфат. Что-то темное и неприятное стало заползать в душу. Что? Пока она не могла понять.

Когда они стояли перед дверью, чувство тревоги и дискомфорта вновь овладело девушкой. Руфат не стал стучаться. Он позвонил по сотовому на домашний номер.

– Мамуля, отвори и встречай самую очаровательную девушку нашего города.

– Какой ты выдумщик, – засмеялась Фарах. Дверь моментально распахнулась и перед ней возникла очень крупная, надменного вида женщина с телефонной трубкой в руках. Пока Руфат помогал девушке снимать курточку, его мать, абсолютно бесцеремонно разглядывала ее.

– Руфат, подай ей тапочки, – сказала она сыну, дав понять, что Фарах надлежало разуться. Боже, а она так радовалась обновке! Но самое ужасное, что на ней подлатанные колготки. Шов, правда, аккуратный, почти не заметный. И все же... Хоть бы не заметили!

– Как бы не так! – говорили глаза матери Руфата. – Вижу все!

Ощущение стыда и тревоги не покидало Фарах и за столом, уставленным фруктами. Мать Руфата, будто

под рентгеном изучала ее внутренности. Слава Богу, вопросов анкетного характера почти не было, если не считать графу «Домашний адрес». Лишь позже Фарах поняла, что и этого было достаточно, чтоб навести все необходимые справки и выяснить подробности нелюбезного свойства.

– Не надо ничего объяснять!.. – сказала Фарах молодому человеку, позвонившему лишь через 10 (!) дней. – Надо было честно рассказать маме до визита. Его бы и не было! Поставил меня в такое унижительное положение... Не звони больше. Не тревожь меня и не огорчай свою маму.

С тех пор прошло три месяца. И вот, снова стал искать встречи с ней. Фарах понимала и тревоги старого дедушки о ее судьбе, и свое положение «засидевшейся» в девицах, и всевозможные условности национальных традиций. Но ни чего не могла с собой поделаться: выходить замуж только потому, что «давно пора» не хотелось.

– Кто-то закрыл твои дороги, – многозначительно поджав губы, изрекла однажды их соседка по площадке, Гамар-хала. – И порчу навел на вашу семью! Хочешь, свожу тебя к гадалке, колченогой Тубу. Весь город ходит к ней. Да что говорить – вся республика ее знает!

– Она что, член правительства? – иронично спросила Фарах.

– Ты все шутишь, а годы летят!

– Ничего не поделаешь, я не в силах подрезать им крылья, – вздохнула Фарах. Но к Тубу, не пошла.

– Глупая упрямец! – сердилась Гамар-хала. – Тебе не только пути закрыли, но и ноги связали!

Конечно, как и все незамужние девушки, бегала когда-то и Фарах с подругами к ворожеям. Но беды, по-

стигшие их семью, не были предсказаны ни одной из них. Даже самая страшная и непоправимая – смерть мамы. Вот она и не верит их бредням. Хотя, кто знает...

Автобус подошел к конечной остановке, прервав мысли Фарах. Пройдя короткую улочку, она подошла к ресторану, подумав про себя: «В последний раз!»

– Правильно, сестрица! Не здесь твое место. Будь счастлива! – попрощался с ней администратор Юсиф.

* * *

– Я знал, что Вы позвоните! – обрадованно произнес Гюнтер, услышав ее голос в телефонной трубке. – Жду Вас завтра вечером, к восьми. Ко мне придут двое сослуживцев с женами. Очень забавные дамы. Надеюсь, подружитесь. Одна из них когда-то обучалась вокалу.

– Можно, я приду чуточку раньше, господин Кольт? – спросила Фарах. – А то мне будет неловко.

– Безусловно, фрейлейн Фарах! Честно говоря, я и сам хотел Вам это предложить, но опасался показаться назойливым. У меня такое чувство, что наше знакомство решит многие Ваши проблемы.

– Если бы Вы знали, как неразрешимы некоторые из них...

– Я знаю... – после короткой паузы произнес Гюнтер. Фарах показалось, что голос его дрогнул. – Уверяю Вас, и у меня есть такие. Не желаю Вам столкнуться с подобными. Но не будем грустить! Жду Вас завтра, как договорились.

Когда дверь отворилась и Фарах увидела приближающуюся к ним девочку лет восьми, она поняла суть вчерашних слов господина Кольта: девочка передвига-

лась на костылях, с усилием волоча тонюсенькие, безжизненные ноги. Да, похоже, ее отец был прав...

– Моя дочь, Лидхен, – представил Гюнтер улыбающуюся во весь рот ясноглазую девочку. – Обожает «живую музыку», шахматы и своего пуделя. А вот и он! Привет, Викки, поздоровайся с фрейлейн (это он сказал по-немецки).

Белый пудель весело тявкнул и забегал вокруг своей маленькой хозяйки. Она что-то говорила ему на родном языке и смеялась. Затем девочка обратилась к отцу.

– Лидхен говорит, что Вы просто красавица, и какой я молодец, что пригласил Вас, – перевел улыбающийся Гюнтер. – Говорит, что будет учить Вас немецкому, а Вы ее своему родному языку.

– К сожалению, я неважная учительница. Разве что, учить музыке, – Фарах почувствовала себя Каем, у которого оттаивает сердце. – Но мы обязательно подружимся с Вашей дочкой! У нее такие чистые глаза...

– И очень длинный язык, – засмеялся Гюнтер. – Может говорить часами! Только ее мать в состоянии выносить это. Кстати, сейчас моя супруга в отъезде, вернется через месяц. Надеюсь, Вы с ней поладите. Она немного говорит по-русски.

Скоро пришли гости: две шумные и картавые толстушки со своими близорукими лысеющими мужьями. Это были, похоже, интеллигентные и добрые люди. Они с удовольствием слушали игру Фарах, искренне аплодируя и выражая восторг непонятными ей словами. Один из них весьма сносно говорил по-турецки. Так что, общению ничего не мешало. Вечер прошел легко, незатейливо и оставил очень приятное впечатление у обеих сторон.

– Хвала Аллаху! Наконец-то ты улыбнулась по-настоящему, – обрадованно произнес дедушка, встретив Фарах у дверей и поинтересовавшись ее делами.

Фарах засыпала с улыбкой на устах. Гюнтер дал ей аванс, как и обещал, завтра у нее свободный день, и она решила пройтись по магазинам, сделать себе и деду подарки. Последние годы их было так мало! Фарах слушала шум весеннего ливня, которым небеса неожиданно одарили ночной город. Вода струилась по окнам, бежала по тротуарам, торопя запоздалых прохожих и дразня дворники автомобилей. Ночной ливень обещал ясное солнечное утро. И Фарах верила этому обещанию. И еще она поверила доброму предчувствию, которое зарождалось в ее сердце, будто обретавшему надежду. Дождь стучал по жестяному козырьку, и девушке послышался знакомый ритм. Она попыталась мысленно «подогнать» под него «Турецкий марш». Получилось! Фарах тихонько засмеялась. Весенний ливень умывал засыпающий город, стучал по крышам, усердно очищая их от пыли, спускал по желобам грязную пенистую воду. Совсем недавно такая картина вызвала бы у нее печальное сравнение: «Мы с тобой коллеги, дождик. Оба мойщики». Сегодня они оба были музыкантами!

– Надо всерьез заняться здоровьем дедушки, – думала Фарах, почти засыпая. – Старик совсем сдал после смерти мамы. До возвращения папы осталось меньше года. Вряд ли он сможет найти работу. Нужно будет и подкопить немного. Самое ценное в доме давно распродано. Иншааллах, все образуется. Только мамы не вернуть...

Мама вернулась к ней во сне. Она увидела себя совсем маленькой, а мама гладила ее по голове и уговаривала съесть только что испеченную сдобную булочку.

Так часто бывало когда-то. И тогда Фарах капризничала и упрячилась. Сейчас же, во сне, она с удовольствием ела булочку с хрустящими боками и даже ощущала запах ванили. Он становил все сильнее и сильнее. Фарах проснулась и с удовольствием почувствовала его наяву. А из кухни слышалась какая-то возня. Накинув халатик, она прошла в кухню и увидела деда, растерянно подбирающего с пола осколки.

– Вот, дырявые мои руки! Разбил пузырек с ванилью, – сокрушался старик и оправдывался. – Но он был почти пуст. Один запах остался. Ты не сердисься?

Фарах отрицательно покачала головой.

– Доброе утро, дедушка! Я видела во сне маму. Теперь у нас каждое утро будет добрым!

– Иншааллах!..

* * *

– Здравствуйте, фрейлейн Фарах! – Это звонит Гюнтер. – Я приношу свои извинения за то, что потревожил Вас в воскресный день. Но Лидхен просто настаивает на Вашем визите. Просто так, в качестве гостыи. Вы ее очаровали. Да и не только ее. Мои друзья тоже восхищены Вами. А уж обо мне и речи нет! Мы можем посидеть дома, а можем и за город выехать. Я попрошу моего хорошего друга сопровождать нас.

Фарах с радостью приняла предложение Гюнтера. Боже! Неужели пришел конец грохочущим звукам ресторанный музыки, груде грязных тарелок, пьяных голосов в свистящем микрофоне!

Лидхен легко выкатила навстречу ей в своей инвалидной коляске, сопровождаемая вертлявым пуделем Викки.

– Салам, Фарах-ханым. Хош гельден! – растянув рот до ушей и довольная своими языковыми новшествами, смешно коверкая слова, поприветствовала она Фарах.

– Гутен таг, либе Лидхен! – в тон ей ответила Фарах. И ее немецкий был подстать азербайджанскому девочки. А Викки просто визжал от восторга.

– Скоро должен подойти Али, мой сослуживец и большой друг Лидхен, – сказал Гюнтер, улыбающийся маленькой радости больного ребенка, еще не осознающего сполна свои потери в этой жизни. – Замечательный молодой человек! И прекрасный специалист.

Али оказался невысокого роста, худощавым, довольно привлекательной наружности мужчиной с озорными светло-кариими глазами и кучей веселых историй в запасе, которые он всю дорогу рассказывал, с легкостью переходя с русского на немецкий и наоборот.

На обратном пути Лидхен стала о чем-то просить отца, а он отвечал ей несколько строго. Девочка, поглядывая на Фарах, продолжала просить. Но Гюнтер, по всей видимости, не уступал.

Тут вмешался Али.

– Лидхен просит отца пригласить Вас домой, чтоб и я мог убедиться, как Вы замечательно играете. Но Гюнтер говорит, что сегодня Вы гость, и он не может принуждать Вас, – помог он разрешить спор. – А если я попрошу, Фарах-ханым? Ведь и я уже слышан о Ваших способностях. Гюнтер рассказал, как Вы обаяли его тевтонцев (так он называет своих друзей-шведов). И вообще, мне настолько приятно Ваше общество, что не хочется так быстро расставаться!

– Не стоило так долго уговаривать! – засмеялась Фарах. Зачем ломаться, если и самой этого хочется? – Я и не думала отказывать.

Лидхен, услышав ответ девушки, захлопала в ладоши, и что-то сказала, переводя взгляд с Фарах на Али. Молодой человек немного смутился и с улыбкой легонько дернул девочку за косичку.

– Лидхен сказала, – перевел на этот раз Гюнтер, – что из Вас получилась бы замечательная пара. Она предложила мне поженить вас! На сей раз смутилась Фарах. Но ей понравилась их непосредственность. На самом деле, зачем мудрствовать лукаво, притворяться и заумничать, если можно вот так, просто и бесхитростно выразить свою мысль.

– Мы подумаем над твоим предложением, маленький чертенок, – обратился к девочке Али. Дети непосредственны, у них все так просто! – сказал он, обернувшись к Фарах.

– Да, это у взрослых принято сознательно усложнять себе жизнь...

– Как Вы верно подметили! Особенно это характерно для нашей ментальности.

Продолжение вечера в доме господина Кольта было недолгим, но очень приятным. Для всех: для егозы – Викки и болтушки Лидхен, для Гюнтера, зажмурившись от удовольствия тянущего пиво и без конца повторяющего «O, schön! Das ist sehr schön! Entzückende Müzik!», для Фарах и Али, то и дело нечаянно встречающихся взглядом; для маленьких амурчиков, которым славная немецкая девчушка прибавила приятных хлопот.

Фарах не сразу вернулась домой. Они с Али еще немного побродили по бульвару, наслаждаясь чудным вечером, интересной беседой и предчувствием добрых перемен.

– Что Вас расстроило, Фарах? – озабоченно спросил Али. Девушка слегка вздрогнула и помрачнела, когда его сотовый телефон заиграл мелодию «Эдельвейс».

– Да так. Этот вальс... Неприятные ассоциации...

– С чем?

– Действительно, зачем морочить человеку голову...

– как бы говоря сама с собой ответила Фарах. – «Эдельвейс» – так называлась фирма-банкрот, в которой работал мой отец. Он... осужден. В России. Оказался замешанным в какой-то махинации с поддельными документами. Скорее всего, стал «стрелочником». Но не буду оправдывать. Возможно, и виноват...

Фарах замолкла и посмотрела на Али, ожидая увидеть на его лице разочарованность и неприязнь. Но он слушал внимательно, стараясь скрыть сочувствие.

– Вы молодец, Фарах, – наконец произнес Али. – Молодец, что не делаете долгих и ненужных вступлений, не прикидываетесь жертвой. Откуда это? Такая стойкость не свойственная молодым девушкам.

– Жизнь научила. Если и я сломаюсь, что станет с бедным стариком, моим дедушкой? Я ведь даже не говорила ему, что работала посудомойкой. Он всегда отождествлял меня с царственной особой, в честь которой и нарекли этим именем. Дед бы не вынес такого унижения, узнав, что его «шахиня» моет грязные тарелки в ресторане и драит плиту.

– Ее называли Нефертити, – улыбнувшись краем губ, тихо сказал Али. – Мне было пять лет, когда родители поехали на работу в Иран. Я был с ними. Мало, что помню. Но ее портрет хранят у нас дома. Обворожительная женщина! А Вы ее обворожительная тезка!

– Али, Вас не смутило услышанное? – спросила Фарах. В ее вопросе мелькнула горечь и досада.

– Я спокойно отношусь к условностям. Наверное, работа среди иностранцев приучила. Хотя, я и раньше недопонимал некоторые наши пережитки. Говорят, от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Никто ни от чего не застрахован. А Ваша правдивость и открытость достойны уважения. Другая на Вашем месте напридумывала бы всяких небылиц. Вы мой маленький, стойкий оловянный солдатик!

С этими словами Али поднес к губам руку Фарах и поцеловал кончики пальцев. Девушка вздрогнула от неожиданности, но руку не отвела. Их первый поцелуй был коротким. Но жарким и многообещающим.

История превращения золушки в принцессу началась на этот раз на берегах теплого моря, под звездным небом южного города, чудесным весенним вечером 2006 года.

– В добрый путь, Фарах! Будь счастлива, моя маленькая шахиня! – скажет дедушка, вытирая слезы счастья, когда свадебный эскорт будет увозить его любимицу.

Держите нос по ветру, не унывайте, милые золушки!

СОСЕДСТВО

– Я сегодня вспомнила тот день, когда наш хозяин впервые заметил вас, уважаемая, на своих молочно-розовых щечках, – с умилением шептали Усы, опустив концы на седеющие пряди Бороды. – Ваше появление смущало и радовало его. Он все время краснел, касаясь рукой ваших нежных каштановых завитушек. Но вы были настойчивы и все решительнее покрывали его

юношеские скулы и подбородок. Надо сказать, это льстило хозяину.

– Да-да, и я прекрасно помню те чудные дни. А как он гордился вами, хотя вы были еще едва заметны и робки! Что уж говорить о тех временах, когда он стал подстригать и завивать вас – это было время вашего триумфа. Вы стали его главным украшением. Скажу без излишней лести, своей привлекательностью хозяин по большей части всегда был обязан именно вам.

– Что вы, что вы! Я считаю, что никакие усы, ни даже бакенбарды так не идут ему, как борода. Хозяин очень гордится вами, уважаемая. И не без основания. Именно вы его главное украшение! Не зря же он так холит и лелеет вас. Вот, прежде и в специальную шелковую сетку укладывал на ночь. Интересно, почему он перестал это делать? Ведь серебряным гребнем до сих пор сто раз на дню расчесывает.

Помните, как забеспокоился, когда недавно гребень затерялся? Это значит, что простого вы недостойны. Я так переволновалась, пока он отыскался!

– Да уж, и я, признаться, перепугалась до дюжины седых волос. Каким образом он под ночной вазой оказался? Хорошо, что серебряные ножнички хозяин всегда в ящичке туалетного столика держит. А то, неровен час, утерять, страшно подумать – не теми кривыми ножницами же нас ровнять, которыми ногти стригут! Они ведь из простого металла. Фи, как грубо!

– Чего-чего, а грубости кругом хватает. Взять хотя бы этот Рот, который таким наглым образом затерся между нами. Только и знает, что болтает без умолку!

– Не вся беда, если б только болтал. А то, как начнет жевать, чавкать, рыгать да плевать! И прежде частенько меня жиром или киселем измазывал, а теперь,

когда я уж седа стала, так и норовит всю слюной забрызгать. Особенно, если закашляется. Нет, чтобы прекратить сжимать в зубах эту мерзкую, вонючую трубку.

– Ох, о ней и не говорите! Это из-за нее я так часто обгораю. Особенно правая сторона. Оттого она и короче сделалась, и топорщиться стала. Я слышала, что и Хозяину от курения один вред. А Рту хоть бы хны! Так и впивается зубами в трубку, так и дымит! Да и мы насквозь табаком пропахли.

– Э-хе-хех! А прежде, бывало, нас то и дело дорогим одеколоном опрыскивали...

– Вот-вот! Зато Рту это не нравилось. Кривился весь, когда в него одеколон попадал. Или пена, которой нас мыл хозяин. Помните ту душистую пену, уважаемая? Ах, что за чудо! Такая нежная, ароматная... Вы не знаете, почему хозяин перестал ею пользоваться?

– Не знаю. Моет быть, как раз из-за того, что она в рот попадала?

– Ну, вот, опять этот Рот! Не дождусь того дня, когда он закроется навеки!

Они дождались. Однажды вокруг поднялась какая-то странная суматоха. Рот пытались разжать и влить в него что-то очень пахучее и едкое. Но все выливалось на Бороду и Усы, чем крайне их раздражало и возмущало.

Однако усилия были бесполезны – Рот закрылся навеки. Случилось то, о чем Борода и Усы так долго мечтали.

– Не могу поверить! Неужели отныне никто не подпалит нас этой отвратительной трубкой, не будет травить дымом, пачкать слюной и бульоном? Какое счастье! Одного не пойму – отчего стало так непривычно душно. И темно...

– А уж как я рада! Просто не верится – неужто мы, наконец, избавились от всей мерзости и зловония, исходящих от него? Рот закрылся навсегда! Какое сча...

ПРОЩЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

В церкви стоял едва заметный туман, и пахло ароматным цветочно-хвойным дымком. Помещение было недавно окурено, и лики святых с неблизкого расстояния теряли четкость.

Заутренняя прошла, новые свечи ждали прихожан, пряча в восковых сердцах пламя людских молитв и надежд. Лида пыталась запалить тоненькую янтарную свечу от огня лампадки, но та не загоралась. А когда, шипя и разбрасывая мелкие искорки, наконец, выбросила оранжевый язычок пламени, Лида невольно вздрогнула: по восковому телу церковной свечки потекли, бугрясь и застывая, мутные капли. Они смешивались с сажой от чернеющего и извивающегося фитилька и становились похожими на черные слезы. Лида подняла глаза на лик Пресвятой Девы, и их взгляд встретился. Женщине почудился укор в глазах, которые прежде были исполнены сострадания и понимания. На бликующем стекле, как на экране, неожиданно возникла картинка из давно минувшего...

– Это что за чудные розовые горошины? – притворно удивлялась молодая женщина, целуя пальчики пухлых ножек младенца. Наклонившись над ребенком, она нежно прикоснулась губами к гладким пяточкам и, смеясь, добавляла. – Ах! Да это же наши сладкие пальчики, наши медовенькие пяточки! И щечки у нас самые бархатные, и губки у нас самые сахарные!

Обоим – маме и сынишке, – такое общение доставляло бесконечную радость. И оба были счастливы... А потом память выдала картинку с изображением встревоженной матери, прикладывающей дрожащую руку ко лбу больного корью семилетнего сына. Лоб был сухим и горячим, высокая температура вызывала горячечный бред.

– Прогоните красных коров! – бессвязно лепетал малыш, не открывая глаз и мучительно кривя губы. – Не надо так громко топать!

– Хорошо-хорошо, миленький, мы не будем топтать!.. – шептала мать, целуя горячую ладошку мальчика и беспокойно оглядываясь на часы в ожидании доктора.

– Не кричи! Не кусайся! – стонал больной ребенок, которому даже нежное прикосновение и шепот причиняли муку и страдание.

Лида зажмурилась, чтоб не видеть следующую картинку. К горлу подкатил удушливый ком. Но слез не было. Вместо нее плакала печальная церковная свеча, покрываясь бугорками застывающих мутно-серых капелек.

Удивительно: обычно церковные свечи горели ровным пламенем, не отягощаясь тающими каплями воска, они испарялись, а не растекались.

– Открой глаза! – скорее почувствовала, чем услышала Лида. – Не беги от правды!

– А в чем она, правда? – тихо, с досадой спросила Лида, глядя на руки Пресвятой Девы и не смея вновь взглянуть ей в глаза. – Да, и я любила свое дитя! И я не спала ночей у его кровати! И я мечтала видеть его взрослым и счастливым! Я родила его, вырастила, а он

оказался неблагодарным чудовищем. Он даже бил меня по пьяни...

– Не попрекай тем, что родила его. Ты сделала это для себя. Разве не так? Разве не хотела таким образом привязать к себе любимого человека? Любить сына ты стала позже, после рождения. А наш материнский долг заботиться о них. Попрекая неблагодарных детей тем, что произвели их на свет, некоторые пытаются обмануть самих себя. А ведь многие из рожденных обречены на муки. Кому, как не мне, не знать этого...

– Но ведь я отдала ему лучшие свои годы! Из-за него и жизнь свою не устроила, не хотела, чтоб рос с отчимом... – оправдывалась Лида, теряя уверенность в своей правоте.

– Не лги! Ты не была тверда в своем намерении. Тот человек был ненадежен. Именно это тебя остановило, а не его отношение к сыну.

– Может быть, и так... – все слабее сопротивлялась Лида доводам задумчивых глаз за бликующим стеклом. – Но я так надеялась, что мое старческое одиночество будет скрашено сыновней заботой. А он заставлял меня продать квартиру, требовал денег!

– И ты выгнала его из дома... Каково же тебе сейчас, одной в просторном доме? Радует ли он тебя, греет ли?

– Нет... Но ведь он пропил бы деньги!

– А что ты сделала для того, чтобы оградить сына от этого зла, от пристрастия к вину? Ты только ругала, унижала, упрекала его. Ты даже не заметила, когда жизнь сына дала трещину, когда ему необходима была твоя материнская защита, помощь, совет. И любовь!

Даже сегодня, сейчас сюда привело тебя не чувство вины, не раскаяние и желание что-то изменить, а потребность найти поддержку и оправдание своему по-

ступку. Я ведь права? Вчера ты увидела своего сына потерявшим человеческое обличье, пьяным в подворотне, в грязи. Ты не сразу узнала его, и это опустившееся существо вызвало у тебя отвращение, и брезгливость. Что ты почувствовала, когда поняла, что это – он?

– Страх... Я поспешила уйти. Чтоб не узнал... – отчаянно ища другие слова, ответила Лида. Но других слов будто и не было. Приходилось говорить правду.

– Был страх... и стыд, – Лида не могла лгать этим пронизывающим насквозь глазам. – Он был омерзительен!

– Этот падший человек – твой сын! Твое когда-то любимое дитя! На нем много вины, греха и порока. Ты не смогла уберечь его от них. Даже не боролась с поработившим его Злом!

– Боролась! Как могла...

– Вот именно! Сердце в этом участвовало. Даже сейчас, когда тебе вспомнились далекие и счастливые дни, твое сердце не заколотилось. А ведь оно должно было разорваться от боли, облитое кровью!

– Уже ничего не изменить. И ничего не вернуть... – по морщинистой Лидиной щеке медленно поползла запоздалая остывшая слеза.

– Не вернуть, это так! Но изменить что-то еще можно. Загляни в свое сердце, в тот уголок, куда ты не заглядывала почти сорок лет. Там ты найдешь ответ.

– ...Когда ему было лет десять, он так увлекся игрой в индейцев, что даже дома запрещал называть себя по имени. Придумывал какие-то затейливые прозвища: Черный Бизон, Поющий Койот, Желтый Мустанг или Чуткий лис. А меня называл то Ловкой Белкой, то Быстроногой Ланью. Однажды пробрался в соседний палисадник и надергал перьев из петушиных хвостов. Шуму

было! Соседка в милицию пожаловалась. Пришлось прикупить ей пару куриц, чтоб утихомирилась, – Лида делала усилия, разгребая воспоминания, покрытые паутиной полужабвения и пытаюсь разбудить давно угасшие чувства. – После этого скандала я переломала и выбросила все его индейские штучки, а самого побила шлепанцем... Он придумывал игры, которые всегда завершались неприятностями. И без конца врал! Однажды написал сочинение о бабушке, которая, якобы, воспитывала его, называла «хрустальным колокольчиком» за звонкий смех. Какая бабушка? У него никогда ее не было! Врун!

– Фантазер...

– Ничего себе фантазии! Назвал себя сиротой, у которого родители погибли во время ташкентского землетрясения. Выходит, он с детства желал мне смерти? – Лида тербила край жакета, быстро-быстро беззвучно шевеля губами.

Наблюдающий за ней со стороны церковный служка сочувственно покачал головой, мысленно прося у Господа помощи для столь усердно молящейся пожилой женщины.

– Просто он ощущал себя одиноким и брошенным, когда за полночь не ложился спать и дожидался тебя. А ты, вернувшись, вместо того, чтоб приласкать, бранила его за несъеденный ужин и за то, что до сих пор не спит. Он слышал твои телефонные разговоры с мужчинами, твой смех и шутки и чувствовала себя ненужным.

– Ненужной оказалась я! Когда он вернулся из армии женатым на гулящей девке на двенадцать лет старше себя да еще с семилетним байстрючком!

Господи, как он пестовал эту безотцовщину!

– Наверное недополученная отцовская забота рождала в нем потребность самому позаботиться о каком-нибудь незащищенном существе.

– Вот и позаботился бы обо мне! Разве в итоге та стерва не наставила ему рога? А ведь я предупреждала, я это предвидела! Гуляла от него налево и направо. А кто его к водке приуныл? Она! Это она, а не я, сломала ему жизнь. Я была права, когда пыталась открыть ему глаза. Чем все закончилось? Сбежала с очередным своим любовником, да еще все ценности из дома прихватила.

– Ты заявила в милицию, и твой сын получил срок за кражу...

– Это не он украл, а она! Он просто взял на себя чужую вину, оговорил себя, чтоб ее не посадили, – старая ненависть закипала в душе Лиды, мешал трезво мыслить. – Дурак! Пожертвовал собой ради какой-то развратной девки. Ради меня он не пожертвовал бы даже одним своим днем. А из-за нее два года отсидел.

– Может быть, он думал о ее сынишке, которого отдали бы в приют? Ты же сама говоришь, что твой сын очень привязался к мальчику...

– Вздор! Кто ему этот улюбодок?!

– Не сквернословь! Ты в храме.

Лида вдруг заметила, что слабое пламя свечи не отражается на стекле. Свеча погасла, оставив на полпути грязно-серые застывшие капли. Лида не стала запалить ее вновь, спешно перекрестилась и покинула церковь. Она искала поддержки и оправдания, но не получила их. Ведь прощение – удел покаявшихся.

Лида торопливыми старческими шажками направилась к выходу. Накрапывал мелкий дождик. Настолько мелкий, что походил, скорее, на водяную пыль. Смешив-

ваясь с застрявшим в облаках городским смоком, влага оседала на всем движимом и недвижимом едва заметной мутной, жирной пленкой. Вряд ли такой дождь очистит воздух! Для этого потребуется хороший ливень. Но, судя по расползающемуся, как от хлорного отбеливателя, облачному покрову, ливня не ожидается.

Скоро облака окончательно растают, стряхнув на город остатки размокших переработанных выхлопов, а солнце, подсушив эту смесь, добавит бурых красок к зелени оскудевшей городской растительности. Чистые небеса, отчаянно сопротивляясь земной грязи, пытались вернуть ее обратно на землю. Трудная задача. Даже для небес...

Вечером, проходя мимо покореженных ржавых ворот глухого, заваленного каким-то хламом двора, Лида замедлила шаг. В нише проходного коридора, где она недавно увидела пьяного бомжа в грязных лохмотьях, никогда не было. Кругом валялись обрывки старой одежды и картона. Лида прошла внутрь, вглубь двора. Ни души! Повсюду строительный мусор, безногие стулья, обломки оконных рам. Она подняла голову и едва успела отскочить: с балкона второго этажа рабочий приготовился сбросить ведро мусора.

– Ты вниз-то гляди, мужик! – сердито крикнула ему Лида.

Мужчина перегнулся через барьерчик и с удивлением спросил:

– А что Вам нужно, бабушка? Ищите кого-то? Хозяев нет, завтра будут.

– Я видела здесь... у входа, в нише... мужчина тут был... вчера.

– Вчера и помер. Скорая его увезла. Алкаш какой-то, – ответил рабочий. – Ребята ему хлеба отнесли, по-

жалели, а он, оказывается, помер, бедолага. Бродяга – не бродяга, а все ж человек... Вам-то он зачем?

Лида не ответила. Последние слова рабочего-ремонтника опрокинулись ей на голову, словно щебень из его ведра. Она поспешила уйти. Скорее, скорее прочь отсюда!

Прощение отменяется...

КАРАМУЛЬТУК ПОЧТЕННОГО КАЗИ

– А ты боишься привидений? – задал юноша очередной глупый вопрос своей избраннице. Но как упрекнуть влюбленного молодого человека в недостатке ума! Это естественно состояние всех влюбленных. Даже самые умные глупеют от любви. Что уж говорить о двадцатилетних! Но для соседки, которая прослушивала чужой телефонный разговор при помощи трубки радиотелефона, этот вопрос означал, что бессмысленная болтовня принимает затяжной характер.

– Сколько можно попусту занимать телефон? Они не устали нести чепуху? – с возмущением прошипела она, переложив трубку к другому уху и растирая затекшее плечо. – Больше часа висят на телефоне и ни одного умного слова!

– А ты не устала подслушивать? – вяло возмутилась ее дочь-подросток, листая и перелистывая учебник географии. Читать было лень. Да и поздно. Но пока мать не завершит свой ежевечерний ритуал, прижимаясь затекшим ухом к чужим секретам, все равно не уснуть.

– Как ты с матерью разговариваешь? – сердито прошипела та, не отрываясь от любимого занятия. – Распустила язык! Вот придет отец...

– И что-о-о? – меланхолично протянула ее дочь. – Скажешь, что мешала тебе прослушивать телефонные разговоры соседей? Я спать хочу!

– Ну и спи! Кто тебе мешает?

Дочь презрительно скривила губы, но на очевидный вопрос не ответила. Бессмысленно. Проверенно временем: пока в трубке не зазвучат прощальные чмокания и отбойные гудки, мать свою затею не оставит.

Дочка, конечно, ее любит. Но порой поглядывает на нее через призму объективности. И тогда видит перед собой не самое родное, близкое и дорогое существо, а неисправимую сплетницу и завистницу.

– Не одари, Боже, такой свекровью! – мысленно сочувствовала она будущим женам своих братьев.

– Идиот! Теперь его интересует, что такое «карамультик»!

– А что такое карамультик?..

– Самострел его бабушки!

Неизвестно, сколько еще продолжалась бы телефонная интервенция, если б не отключили электричество. Трубка радиотелефона похрипела, попищала и заглохла.

– Эх, жаль! – огорчилась женщина, сокрушенно глядя на чуть ли не дымящуюся трубку. – Она как раз собиралась пооткровенничать... Нет, это безобразие! Взяли в правило по вечерам электричество выключать. Люди в лифтах застревают, удобств лишаются. Свечи у нас остались?

– Жаропонижающие, кажется, есть. И геморройные...

– Не придуривайся. Найди фонарик.

– Как же я его найду в темноте? В нем и батарейки давно сели. Мам, я спать хочу! Мне свет не нужен, –

цеплялась дочь за шанс добраться до постели. Если сейчас включат электричество, в ближайшие два часа такой возможности не представится.

* * *

Время было позднее. Масляные лампы на каменных выступах больше чадили, чем светили. Они наполняли большую овальную комнату с земляным полом тусклым светом, едким запахом сажи и колдовскими пляшущими тенями. У стены против входа раскатана толстая войлочная кааба из козьей шерсти. Поверх нее разостлан пестрый коврик и разложены полосатые шелковые подушки. Шумный, полный забот день завершился теплом и уютом вечернего отдыха. Кази предавался курению ароматного табака и приятной беседе со старейшинами и купцами, везущими товар в столицу. Накануне он развлекал гостей, устроив петушиные бои прямо тут, в просторном помещении гостевого двора. Сейчас купцы обсуждали предложение кази о покупке партии индийских бойцовых петушков, к породе которых принадлежал его любимчик – синехвостый, длинноногий непобедимый Карамультик. После каждой победы кази сам, собственноручно насыпал в медную мисочку Карамультика отборные зерна и ставил ее в клеть.

– Я слышал, уважаемый кази, что по Вашему решению одной из служанок завтра отрежут ухо, – сказал вдруг один из гостей.

– Да, это так, – кивнул головой кази. – Ее многократно предупреждали, пытаясь отвадить от дурной привычки прикладывать ухо к чужим дверям. И прежде она подвергалась за это наказанию. Но пятьдесят уда-

ров палками по пяткам ничему ее не научили. На сей раз мое решение жестоко, но вполне справедливо.

– Я не сомневаюсь в Вашей мудрости и справедливости, почтеннейший, – продолжал гость. – Но позвольте глупой женщине получить еще одну возможность исправиться. Есть одно наказание, подвергнувшись которому она потеряет интерес к подслушиванию.

– И какое же? – скрывая раздражение, спросил кази. Он сделал глубокую затяжку: неужели кто-то сомневается в его профессионализме и гуманности?

– Пусть ее свяжут потуже, посадят под медный поднос с зерном. Железный клюв Карамультука навсегда отобьет у нее дурную привычку, уверяю Вас!

Так и сделали. Пятнадцатиминутная дробь, отбиваемая стальными клювами драчливых индийских петушков по медной площадке над теменем неисправимой служанки привела к тому, что она стала шарахаться от одного только слова «послушай».

– Надо будет попросить совета у того китайского купца, как поступать с теми, кто любит подглядывать в щелочки и болтать лишнее. Не отрезать же им всем языки!

Эво люци.у

I

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что может быть бесполезнее пустоцвета! Безусловно, женщина, не приносящая потомства. Не спешите возражать – речь идет о первобытной женщине. А при том, что в общинно-племенных отношениях, соблюдается строжайшая, иерархия, положение бедняжки оце-

нивается «нулевым уровнем по десятибалльной» шкале. Такое определение дали бы сегодня. В те же распродавние времена было просто непозволительной роскошью содержать такую особу. Если учесть высокую смертность детей (причин для этого на заре человечества предостаточно!) и малочисленность мужской части племени, разве допустимо растрачивание сил по умножению рода впустую? Потому ее и изгнали из семьи...

– Твое чрево не рождает детей, а мужчины лишь теряют на тебя силы, которые могут отдать другим женщинам. Смотри, как мало у нас детей: выживших среди них меньше, чем умерших. Уходи. Корми себя сама. Ты мешаешь племени, – так решила Старшая Мать. Сурово. Жестко. Но, судя по одобрительным возгласам других женщин, вполне в духе времени.

Плачь – не плачь, а не поможет. Дочери ее сестер уже и сами обзавелись потомством, она же и не зачала ни разу. Хотя мужчины без внимания не оставляли. Более того, предпочитали другим именно ее! А это, как сами понимаете, уже слишком. Вот и побрела, куда глаза глядят. Благо, хоть тут повезло – глядели глаза в правильном направлении. Скоро привела ее узенькая охотничья тропинка к удобной, защищенной со всех сторон пещере. Изнутри пещера оказалась рукотворно расширенной. Изгнанница, не тратя времени на оплакивание своей горькой доли, принялась очищать временное пристанище от первобытного бытового мусора, оставленного, по всей вероятности, охотниками совсем недавно: пучки травы, которыми мужчины растирали ступни и открытые части тела, дабы не спугнуть своим запахом дичь, еще не усохли. Она собрала в кучу разбросанные повсюду сучки, щепки и деревянные обломки орудий охоты, обложила сухим мхом и стала разводить огонь,

умело высекая искры из кусков кремня, брошенных тут охотниками. Скоро начнет смеркаться. Это будет первая ночь, проведенная в одиночестве...

Тысячелетия спустя в таких случаях женщины возьмут в обычай «плакать в подушку». Но наша пращурка таковой не имела, поэтому с грустью смотрела на желтые лепестки распускающегося огненного цветка, колола камешком собранные в пути орехи и бросала в огонь скорлупу. Ядрышки были сладкие и сытные. Ей подумалось, что неподалеку должен быть и ручей. Охотники не стали бы устраивать стоянку вдалеке от воды. Значит, все не так уж и плохо – авось не пропадет. Одолеваемая своими первобытными печальными мыслями, изгнанница уснула.

Наверное, спала она долго, потому что, когда проснулась, снаружи было уже темно. Ночь повесила свой черный полог между Большим Светилом и землей. Но сквозь огромное количество маленьких дыр в этом пологе пробивался его свет. Правда, до земли он не доходил, а другое, ленивое ночное светило, дозреет еще не скоро. Женщина посмотрела на костер и удивилась: он до сих пор не потух! Лепестки огненного цветка были по-прежнему яркими и источали жар. И вдруг она поняла, что не одна в пещере. Тот, кто был тут, кроме нее, и поддерживал огонь, пока она спала.

– Я принес тебе еды, – с какими-то необычными и несвойственными нашим далеким (очень далеким!) предкам нотками в голосе сказал молодой охотник и протянул ей кусок оленины, нанизанной на прутик. – Хочешь, я сам его зажарю?

Если б в том ограниченном количестве слов, коими могли в те времена пользоваться люди, были слова благодарности, изгнанница непременно произнесла бы их.

Но благодарность тогда еще не обрела словесного оформления и выразилась лишь непривычным внутренним трепетом и блеском глаз. Хотя – кто его знает? – возможно это было всего лишь отражение пламени костра.

– Можешь жить тут всегда, – продолжил охотник, аккуратно переворачивая прутик с куском мяса, чтобы сок и жир не стекал в огонь. – Это наша тропа. Я буду приносить тебе мясо и шкуры. Зверей здесь много. Но ты не бойся. Пещера недоступна для них.

– Я не боюсь, – женщина призывно посмотрела прямо в его горящие страстью глаза. Но, возможно, и это было всего лишь отражение пламени костра...

Вот так, по первобытным меркам, безбедно, и зажила изгнанница в пещере на краю охотничьей тропы, обласканная заботой молодого охотника. Кто знает, как впервые обозначалось чувство, получившее впоследствии название «любовь»? Никто! И эта парочка не знала. Просто двоим в древней пещере вдруг стало очень хорошо вместе. А Большое Светило еще не скоро отодвинет дырявый черный полог ночи.

II

ПИЩА ДУХОВНАЯ

Ледниковый период грянул неожиданно. Нет, конечно, это не значит, что с утра пекло тропическое солнце, а после полудня повалил снег. Глобальная зима, прежде чем обрушиться на головы наших пещерных предков, поначалу пыталась предупредить их, посылая всякие знамения в виде метеоказусов. Но предки были не очень внимательны. Или очень невнимательны. Ле-

денящие ветры, снега и морозы вскоре стали обычным делом. Дикая природа, то бишь, всякое зверье, заведомо обросло длинной шерстью и приспособилось к пережевыванию смолистых хвойных веток. Человеку же, по эволюционным меркам, относительно недавно расставшемуся с кожной растительностью, обрести ее вновь оказалось куда сложнее.

Природа будто изгалялась над пещерным современником, «утеплив» бородой его лицо и совершенно оголив более чувствительные к холоду части тела. Иначе, чем причудой, это не назовешь. Ведь те горбоносые первочеловеки, которые жили по берегам теплых морей и на склонах молодых гор, по большей части, так и остались волосатыми до самых кистей. Но, запихнув в небольшой череп человека довольно солидный по размеру мозг (в этом можно легко убедиться, развернув все его складки), матушка-природа строго велела: «Думай, голова!» В тот самый миг произошло величайшее столкновение – Инстинкта и Разума. Это сейчас они во взаимодействии (да и то не всегда!), а на заре человечества были соперниками. Бедный наш пещерный предок! Ему приходилось бороться не только с беспощадными силами природы и хищниками, но и с самим собой, раздраемым этими понятиями: они так часто оказывались взаимоисключающими! Да, уж досталось первочеловеку, ничего не скажешь. Несправедливо, что до сих пор никому не пришло в голову (!) изваять ему достойный памятник. Придуманным идолам почета больше, чем первоэкстремалам, ценой жестких усилий сохранивших себя. И род человеческий. Несправедливо!

Однако, я отвлеклась. Так вот, загнала ледниковая эпоха наших предков поглубже в пещеры: ни тебе света и тепла, ни тебе пищи! Благо, огонь научились высе-

кать. Но разве небольшой огонек в углублении утрамбованного холодом пола спасет в такую лютую стужу? А большой костер опасен: вместе со струйками дыма из щелей выносило наружу запахи оленьих шкур, заменивших человекам естественный шерстяной покров. Это привлекало хищников. Да и сам большой огонь мог оказаться пострашнее клыков: не доглядишь – сожрет без остатка и кости в пепел обратит.

Вот и жались пещерные предки поближе к разогретым валунам, вздрагивали от пугающих песен ветра и таинственных дрожащих теней. Страх притуплял чувство голода. Да разве его уймешь? Что же делать, если клубни и коренья, заготовленные двумя женщинами, почти закончились? В пещере даже мышей не осталось. Сколько не выгрызай соль из-под ногтей да ни посасывай давно обглоданные кости, голод не обманешь. Он рычал в пустых желудках все громче, все требовательней. Стали соплеменники бросать косые взгляды в сторону своего сородича, который без конца чем-то постукивал, поскребывал, поскрипывал в глубине пещеры. Толку от него, как от добытчика, давно не было – охромел на охоте, – а ел как все! Переглянулись голодные пращурь, вынули из костра по горячей ветке и направились к нему. Увы, чаша «Инстинкт» на этот раз перетянула... Но, подойдя поближе и осветив неярым пламенем бликующую стену, они остановились, недоуменно уставившись на нее.

–О-о-о! – восхищенно протянул один.

– А-а-а! – с удивлением подхватил другой.

– Э-э-э! – многозначительно чесал ухо третий. То, что предстало их взорам, было великолепно. Прекрасно и желанно, как теплый день, манящие плодами и ягодами рощицы, прозрачные ручьи, полные рыбы, сытые

стада, сулящие добрую охоту! Обреченный хромец отодвинулся в сторонку, давая возможность сородичам лучше рассмотреть свои счастливые сны, воспроизведенные на каменной стене посредством цветной глины и беличьих хвостов. Он с тревогой в глазах поглядывал на орудия в руках соплеменников. Такими дубинками охотники по обыкновению переламывали хребет животным.

Скрытое намерение голодных собратьев не удивляло и не возмущало его – таковы правила выживания, ничего не поделаешь, но охотники почему-то медлили. Подойдя еще ближе к стене, они стали дотрагиваться руками до рыжих мамонтов и серых жеребят. Один из них поднял с пола баклажку с растертой голубой глиной, понюхал ее и, приблизившись к трясущемуся от страха рисовальщику, одобрительно хлопнул его по плечу. Затем он указал пальцем на противоположенную стену, достаточно ровную и гладкую. Предлагая запечатлеть на ней себя в позе удачливого охотника, он попытался наглядно это изобразить. Волшебная сила искусства и извечное человеческое стремление к бессмертию победили животное чувство голода!

Кому же не захочется увековечить свою персону таким образом? Даже наш первобытный пращур не был исключением.

Вот так и случилось, что искусство спасло жизнь древнему художнику, а сородичи с тех пор стали снисходительнее к его «лишнему рту». Да здравствует Разум! А когда распогодилось, и начался на редкость удачливый охотничий сезон, женщины подсказали мужчинам, что умение хромца изображать животных такими похожими нравится духам лесов, и они, в награду посылают охотникам добрую дичь и удачу. Ох, уж

эти женщины! Все бы им вклинить колдовство в естество!

Но, тем не менее, победа духовности над низшими чувствами была налицо. Неужели все так и случилось?..

III

РОЖДЕННЫЙ ВПЕРЕД НОГАМИ

Утомленные долгой и нелегкой охотой, исцарапанные колючими кустарниками, мучимые жаждой и голодом, но довольные своим замечательным трофеем (на этот раз наевшей жирные бока черной антилопой), спешили они к пещере за ручьем. Они – это семь человек пещерного племени угу-гу, уложившие антилопу на своеобразные носилки, наспех изготовленные из крепких, упругих веток. Так было удобнее нести. Прежде приходилось волочить добычу по земле, и тогда портилась шкура, цепляясь об острые камни и пеньки. Носилки из веток придумал хилый и невзрачный соплеменник, которого они раньше подзывали презрительным окликом: кхх-ха! Однако после этой затеи с носилками стали снисходительнее к никчемному, как казалось, слабаки и даже начали брать его с собой на охоту. Конечно, дичи ему не загнать и, тем более, не убить. Но кто-то заметил, что его присутствие непонятным образом облегчает охоту. Он безошибочно выбирает из стада животное, которое удастся загнать без особого труда.

Сейчас он шел вслед за носилками, поддерживая длинный хвост антилопы с грубой кисточкой на конце. С недавних пор его так и называют – Несихвост. Прежде хвосты жертв очень мешали в пути. Они все время застревали в колючих ветках и доставляли массу хлоп-

пот, отнимая драгоценное время. Когда Несихвост впервые подхватил свисающий с носилок хвост жеребенка, кое-кто стал насмехаться над ним. Но вскоре стало ясно, что и в этом есть от него польза. Правда, возникла одна неожиданная сложность: проведав каким-то образом о необычных способностях этого жидконового создания, группа охотников из соседнего племени ого-го дважды пыталась умыкнуть его. Теперь приходилось оберегать Несихвост от посягательств. Но малый того стоил. Да и Старшая Мать велела. А ее решения, как известно, не обсуждаются.

– Он родился вперед ногами, – говорила Старшая Мать, глубокомысленно покачивая головой, – поэтому у него слабые ноги. Но зато не зашиб о камни голову, как другие. Поэтому она у него и работает лучше, чем у других.

Возможно, Старшая Мать была права: рождаясь в пещере, большинство младенцев ударялись головой об пол. Вероятно, по этой причине и не стали избавляться от недавно появившегося на свет малыша, который тоже родился вперед ногами и здорово их покалечил. Соплеменники решили, что у этого ребенка думающая часть тела сохранилась в абсолютно целости и в будущем принесет сородичам немалую пользу. Как славно, что секрет племени угу-гу неизвестен людям (!) племени ого-го! Те глупцы до сих пор избавляются от хилых младенцев. А вот угу-гунцы уже смекнули что к чему. Все тот же Несихвост обратил их внимание на способности слепорожденной девочки, которая «слышала» опасность задолго до ее появления, и соплеменники успевали завалить куском скалы вход в пещеру до того, как хищник приближался к ней. Теперь девочка окружена заботой и спит на чистой травяной подстилке

недалеко от входа – если не успеет предупредить об опасности, то и шансов быть съеденной у нее больше. Старшая Мать, по совету Несихвоста, велит кормить девочку самыми сладкими ягодами, чтоб не притупилась ее чуткость.

– Я видел, как вы полощите требуху и шкуры в верхнем течении ручья, а в нижнем течении ваши дети пили воду, – говорил Несихвост женщинам племени. – Не делайте так. От этого у детей будут болезни.

– Слушайте, что говорит вам Несихвост, – строго наказывала Старшая Мать. – Он знает больше других.

Под радостные возгласы сородичей охотники угунцы внесли в пещеру свой великолепный трофей и опустили носилки на каменный пол. Несихвост некоторое время постоял в задумчивости, теребя в руках мохнатую кисточку, а потом зачем-то срезал ее зазубренной каменной пластинкой и унес вглубь пещеры, к своему ложу. Охотники проводили его взглядом, но смеяться не стали. Теперь они понимали: Несихвост придумает что-нибудь полезное даже из этого пучка жесткой и никчемной щетины.

Можно предположить, что именно так зарождались зачатки разделения умственного и физического труда. Но ни Несихвост, ни его пещерные сородичи ни о чем таком не догадывались. Они продолжали идти на поводу у эволюции и просто старались выживать

* * *

С раннего утра в офисе царило оживление. Девушки чаще поглядывали в зеркальце, дамы постарше как бы невзначай останавливали взгляд на своих отражениях в затемненных стеклах дверей. Еще бы! С минуты на минуту должен появиться новый сотрудник. Говорят –

милашка, и такой умница! И вот он, наконец, вошел. О, Господи! Не дай бедным девушкам потерять рассудок! Он улыбнулся. Это была улыбка кукурузного початка, обнажившая два ряда крупных, ровных, почти одинаковых зубов.

– Хороши, черт возьми! – с восхищением и завистью подумали девушки.

– Интересно, свои? – недоверчиво вскинули бровь дамы постарше. Но и те, и другие были одинаково очарованы новым сотрудником с необычной и забавной фамилией Несихвост.

* * *

Не сомневайтесь: звездный час Несихвоста еще впереди! Пожелайте ему удачи и ждите новых историй.

IV

ПОЗНАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

– И ты утверждаешь, что это, напоминающее молочную сыворотку, есть ни что иное, как затвердевшая вода? – старейшина выпростал руку в сторону далеких горных вершин.

Сидящие рядом с ним дружно загоготали, уловив насмешку в вопросе. Старейшина выдержал паузу, дав им возможность выразить таким образом свое отношение к ограниченности ума стоящего перед ними незнакомца. Затем едва уловимым взглядом он прервал их смех и продолжил:

– Наши предки были хранителями великой мудрости, и они передали нам немало знаний. Законы, установленные ими, непререкаемы и должны соблюдаться

неукоснительно! А законе эти запрещают покидать пределы нашей долины. Никто из нарушивших запрет не вернулся назад. Все они стали жертвами своей глупости и бессилия перед духами, обитающими у края долины. Некоторые невежды и прежде пытались смущать наших людей бреднями о благодатных землях, которые, якобы, лежат за подпирающими небосвод вершинами. Но мы-то знаем наверняка, – он глянул на свое окружение, и оно дружно закивало в знак согласия, – что их поглотили духи Коммод и Коррод. Не подослан ли ты этими проголодавшимися духами? Не их ли затея вновь выманить глупцов за пределы долины?

Незнакомец, стоявший перед ним, затрясся от страха, услышав в голосе старейшины свой смертный приговор. Он был утомлен невероятно долгим и трудным путем, изнывал от жажды, и очень обрадовался, когда набрел на это крошечное поселение в небольшом оазисе с единственным немногочисленным колодезем. Но радость была короткой, сейчас он сожалел об этом. И еще больше сожалел о сказанном относительно снегов на горных вершинах. Однако дух авантюризма все еще мешал трезво оценить обстановку и, покаявшись, признать себя невеждой. Он с трудом боролся с внутренним негодованием. Страх за свою жизнь помог в этой борьбе.

– О, нет, старец! Разве похож я на пособника могущественных духов, оберегающих ваши благословенные пределы? – он заметил одобрительную полуулыбку на суровом лице старейшины и ухватился за это, как за спасительную соломинку.

– Если б я имел злой умысел и выполнял бы их указ, они не оставили бы меня трепещущим в бессилии перед твоей великой мудростью и безмерными познаниями.

Лесть издревле востребована власть имущими. Будь то старейшина племени или могущественный правитель – никто не остается равнодушен к ней, даже осознавая ее суть. Что уж тут говорить о полуодетом вожде полу-сытого народца, счастливого в своем неведении!

– Признаться, я никогда прежде не слышал о Коммоде и Корроде, хранящих ваши семьи от опрометчивых поступков. Однако наличие воды – главное, что облегчает жизнь людям. Вот я и поверил тому, что слышал о затвердевшей воде на вершинах. Но ты убедил меня, мудрый старец: поверить в затвердевшую воду все равно, что усомниться в твоих глубочайших познаниях. И если ты проявишь милость и отпустишь меня, я буду говорить об этом каждому встречному...

– Вряд ли тебе удастся встретить кого-либо за пределами нашей долины, – прервал незнакомца польщенный старейшина. – Мы отпустим тебя. Но пищей поделиться не сможем. В степи достаточно грызунов, змей и ящериц. Добудешь себе еду сам. Зачем отдавать тебе последний кусок печени, если самого скоро поглотят духи у края долины? Да и печень младенца очень уж мала.

– Вы едите... людей?.. – незнакомец почувствовал, как к горлу стали подкатываться съеденные накануне финики.

Но старец так угрюмо посмотрел на него, что он осекся.

– Как ты мог подумать такое о нас?! Разве мы ровня диким пожирателям себе подобных, которые населяли пустыню в давние времена? – старейшина был возмущен и оскорблен вопросом незнакомца. – Мы всего лишь оставляем себе печень умерших. А их самих уно-

сим к Камню усопших. Там Коммод и Коррод поглотят их мясо, а кости ветры укроют песками.

– Прости, старец, если я обидел тебя своим глупым вопросом, - спохватился заплутавший путник, нашедший-таки приключение на свою голову, забитую тягой к путешествиям. Недовольство старейшины могло стать смертельно опасным. Не стоило привлекать нездорового внимания к собственной печени... – Я вовсе не хотел этого. Как можно усомниться в правильности твоих решений?

– А я вот начал сомневаться в правильности собственного решения... отпустить тебя, – кровожадно прищурился вождь племени.

Он вдруг уподобился хищнику, готовому к прыжку. У незнакомца от страха перед глазами поплыл сизый туман и стали подкашиваться ноги. Заметив, как побледнел и задрожал незадачливый путешественник, старейшина растянул рот в довольной улыбке, обнажив безнадежно поредевшие зубы.

– Что же ты умолк? – наслаждался беззащитностью пленника старый вождь.

Он вдруг ощутил прилив сил, которые давала ему чужая слабость. Жизнь незнакомца висела на волоске, и старик упивался властью над ней.

– Я... верю... в твою великодушие, – заговорил, наконец, пленник.

Вообразив, как эти кривые, потемневшие зубы будут отрывать кусочки от его слегка поджаренной на углях печени, как коварные духи, принявшие обличье стервятников, начнут рвать его плоть, он ощутил приступ тошноты. С трудом взяв себя в руки, он продолжил:

– Позволь мне уйти с верой в твою безграничную мудрость... Отпусти меня...

* * *

Унося ноги из проклятого селения, забыв о жажде и даже не испив из обложенного кусками известняка колодца, путник вслух благодарил всех знакомых и незнакомых духов, включая пресловутых Коммода и Коррода. А дойдя до края долины, где предположительно они обитали, остановился, обернулся, и что есть мочи крикнул в сторону оставшегося далеко позади поселения:

– Это снег, снег! Снег, а не простокваша, ты, твердолобый пожиратель печени мертвецов! Это он, снег, дает начало горным рекам, которые бегут к морю. Но ты его никогда не увидишь – Коммод и Коррод «не допустят» этого! Потому что такие, как ты, в своей твердолобости станут утверждать, что море – это небеса, расплавленные солнцем.

Впрочем, – остановился он вдруг в недоумении, удивляясь собственным мыслям, – если это не так, почему же солнце утром выныривает из него, а вечером заплывает обратно? Неужели небесная твердь так же крепка, как и земная? Иначе, катилось бы оно по небесам с такой легкостью?

Недавний пленник, только что едва избежавший смерти, задумчиво поднял глаза к небу. В его голове вырвалась новая авантюра, а в душе зарождалось неистовое желание убедиться – так ли все на самом деле?

ЧЕРНОЕ ПЛАТЬЕ В БЕЛЫЙ ГОРОШЕК

Рена-ханым спускалась по широкой парковой лестнице к Площади Фонтанов. Она то и дело поправляла платье, ползущее кверху.

– Разнесло, как корову! – ворчала про себя Рена, снова и снова оттягивая ненавистное черное в белый горошек платье. Она привыкла ходить в брюках. Но сегодня предстояла встреча с литературным критиком, который, как ее предупредили, не любит женщин в брюках. А тем более в джинсах. Критик для писателя – все равно, что саблезубый тигр для пещерного человека. Вот и пришлось надеть нелюбимое платье, жертвуя舒适ностью во имя «высокого слова». К тому ж новые босоножки натерли оба больших пальца – хоть плач! Когда Рена-ханым стояла на автобусной остановке, мимо пронесся сын на своем автомобиле. Не заметил ее, ожидающую битком набитую маршрутку. А после, уже здесь, неподалеку, невестка приветливо поманила ручкой из другого автомобиля.

– Могла бы остановиться и предложить подвести! – улыбнувшись и помахав в ответ, сердито подумала Рена. – Позолота не осыпалась бы.

Спускаясь по парковым ступенькам, она несколько раз остановилась, пытаясь уложить поудобнее в обуви горящие от боли пальцы. Когда Рена в очередной раз замедлила шаг, остужая потертые пальцы, она увидела упавшую женщину точно в таком же, как у нее, черном в белый горошек платье. Шагай Рена чуть быстрее, их пути пересеклись бы именно в том месте, где упала женщина.

– Ноги отнялись у бедняжки... – сочувственно качали головами столпившиеся вокруг люди. Рядом с ней

что-то говорили сквозь плачь две девушки и ревел карапуз. Оттого, что на женщине было такое же платье, Рене стало непосебе. Она не осталась стоять среди сострадательно шепчущихся – разве это поможет? – и поспешила уйти. Весь оставшийся путь Рена-ханым, огорченная увиденным и забывшая о своих неучтивых детях, думала о той несчастной женщине, в один миг утратившей способность передвигаться на собственных ногах.

– Вот как бывает! Пусть и не подвез никто, и нет денег на такси, и ноги болят до смерти, но все же целы. И несут меня, слава Богу. А ей-то какво – не дай Бог! – думала Рена, подходя к дверям редакции и уже почти смирившись с болью растертых в кровь ног. Даже предстоящая встреча с критиком-женобрюконенавистником уже не так пугала.

И вправду, с той женщиной, с Асей, стряслась страшная беда. Какой смысл искать виновных, корить себя или ругать окружающих, если беда уже случилась? А ведь ее могло и не быть, как знать...

* * *

– Мама, ты же взрослая женщина! Бабушка уже, а ведешь себя, как глупая влюбленная девочка. Это неприлично, в конце концов! Вставай, одевайся и пойдем, прогуляемся немножко, – смягчила дочка поцелуем в щеку свое нравоучение, вызывавшее у матери боль и стыд одновременно. Как черствы и жестоки могут быть дети!..

– Мне не хочется. Да и чувствую я себя неважно, – ответила она, запнулась и, как бы оправдываясь перед собственной 18-летней дочерью, уточнила, – Спина болит и какие-то странные судороги в ногах...

– Захочется! Так и будешь до смерти оплакивать разлуку со своим «мундиром»? Престарелая Джульетта, блин... – начала было дочь вводить новую болезненную инъекцию. Но мать прервала ее, на этот раз жестче.

– Не твое дело! – сурово, но с болью в глазах сказала Ася-ханым. – И прекрати лепить «блины» к словам. Уж и говорить по-человечески разучились! Я, действительно, плохо себя чувствую. Лучше полежу немного.

– Да брось, мамуся, не обижайся! Я ведь тебя люблю. Уж, поверь, побольше твоего полковника... – дочь снова чмокнула ее в щеку, поймав неприязненный взгляд, и попыталась сменить тему. – Севда с Зикой придут в двенадцать гулять на Площадь Фонтанов. Одевайся, прогуляемся с ними, а потом проскачем по магазинам, купим тебе голубой шарфик. Ты же хотела?

Севда – это старшая дочь Аси, а Зика ее трехлетний внук, в котором бабушка души не чаяла. Знает, чертовка, чем брать! Когда друг Аси-ханым, отставной полковник, сделал ей официальное предложение, обе дочери вдруг превратились в черствых злыдней и выразили свое абсолютное несогласие. А старшая и вовсе выдвинула ультиматум: если мать повторно выйдет замуж, будет лишена свиданий с внуком – пусть рождает себе новых детей, раз этот «мундир» ей дороже собственных дочерей! Рожать себе «новых детей» в сорок пять лет Ася, конечно, не собиралась. Она предпочла принять одинокую старость, нежели потерю дочерей, внука и отказала Вахиду.

– Ася, ты хорошо подумала? – едва вымолвил побледневшими губами Вахид. Его ладонь дрожала, и он убрал ее со столика. Они сидели в кафе на набережной. Букет пурпурных роз лежал у Аси на коленях и тоже подрагивал. – Я ведь не собираюсь отлучать тебя от до-

черей. Твои дети – мои дети. Но пойми, у них своя жизнь, и очень скоро они окончательно упорхнут от тебя, уйдут в свои заботы и радости. Будут вспоминать о тебе лишь по большим праздникам. Как и все мы, собственно. Когда умер отец, мне было шестнадцать лет, а братьям чуть больше. Мама, опасаясь нашего осуждения и неприязни, больше замуж не вышла, хотя и имела шансы. А потом мы все выросли, опекаемые ее заботой и любовью, и разлетелись кто куда. Старших братьев мама в последний раз видела за два года до смерти. Я чаще звонил ей, чем заходил... Мне казалось, что она готова целовать телефонную трубку, слыша мой голос. А когда навещал ее, бедная женщина от радости забывала слова... Асенька, родная, я тебя очень люблю! Мы подставим друг другу плечо в старости, а твои дочери когда-нибудь обязательно поймут и оценят это. Подумай хорошенько, не спеши с отказом...

Когда Ася-ханым рассказала об их встрече дочкам, пытаясь убедить в искренности Вахида, они взвились, точно дикие кошки.

– Лицемер! – шипела старшая дочь. – Сиделка ему нужна в старости, чтоб горшки таскать! Ему сколько лет, шестьдесят пять? Да он тебе в отцы годится! Ну, встречались и встречайтесь себе на здоровье. Неужели обязательно в ЗаГС?

– У него хорошая пенсия, и он хотел бы оставить мне ее после... смерти, – пыталась Ася-ханым урезонить дочь

– Прагматик, блин! – злобно усмехнулась младшая. – Значит, Севда права, он чем-то болен?

– Он абсолютно здоров! Но в жизни всякое бывает... Вахид хороший! – вскрикнула Ася, окончательно запутавшись.

– Мама, не выставляй себя посмешищем! – презрительно скривив губы, холодно сказала Севда. – Ты обо мне подумала? Как отнесется к этому родня моего мужа? Ты представляешь, сколько уколов я получу от свекрови? У меня ведь не станет жизни! И к чему это приведет? К разводу!

Ася растерянно дергала подбородком, в горле застрял противный ком. Объективно она понимала, что свекровь ее старшей дочери ничем не хуже своей невестки и что потакать во всем такой капризной и избалованной девице довольно сложно. Севда – девушка с гонором, отношения со свекровью у нее не складывались именно по этой причине, а не потому, что «свекровь у нее мегера». Но субъективно – Ася очень любила своих девочек и часто была слепа в этой любви.

– Зато у нас будет новый папочка с золотыми пуговками на зеленом мундирчике и звездочками на погончиках! – съязвила младшая дочь. – Картошка в мундире, блин! А дома уже нельзя будет ходить без халата. И по утрам ждать своей очереди в ванную, пока «папочка» побреется...

– У Вахида есть своя квартира...

– Ах, вот как! Так значит, ты собиралась бросить меня одну, на произвол судьбы и уйти жить к своему отставному «сапогу»?

– Как же тебе угодить?..

– Послать его ко всем чертям! Мы же не против ваших встреч. Наслаждайтесь друг другом сколько душе угодно, но в ЗаГС – НЕТ! – жестом Марии-Антуанетты завершила младшая дочь.

Ася-ханым поднялась с дивана и молча, едва волоча ноги, отправилась в кухню. Накапав в стакан сорок капель корвалола, она выпила залпом и стала разогревать

обед. У нее больше не было ни желания, ни сил продолжать бессмысленный спор с дочерьми. А они уже стояли у входа в кухню и изумленно переглядывались: неужели мама не собирается более убеждать их в том, что ее Вахид – просто душка и очаровашка и абсолютно бескорыстен в своих планах?

– Есть будете? – спокойно и безразлично спросила Ася-ханым.

– Да, – в один голос ответили дочери и снова переглянулись.

Когда девочки ушли, Ася перемыла посуду, прибралась в кухне и комнате, выпила еще тридцать капель «коктейля» и прилегла на диване. Зазвонил телефон. Ася выдернула из розетки шнур. Ни с кем говорить не хотелось. Кто это мог быть? Вахид? Ничего, успеется еще «обрадовать».. Подруга, которая после допроса станет убеждать ее «не идти на поводу у детей и подумать о себе»? И она с этим согласна. Но не сможет иначе. Не стоит самобичеваться. И так больно...

* * *

Наконец, поддавшись уговорам дочери, Ася-ханым стала собираться на прогулку.

– Надень брюки и желтую блузу, – посоветовала дочка, увидев, что мать вынула из шкафа свое любимое черное платье в белый горошек.

– Оно мне подходит и в нем удобно, – решительно отклонила совет дочери Ася и, вздохнув, добавила, – Ты же знаешь, я люблю это платье.

– Дело твое, – пожала плечами дочь. Что ж, любовь к платью – это не любовь к мужчине, она не возбраняется.

Они выходили на Площадь Фонтанов со стороны кинотеатра. Увидев их издалека, маленький сын Севды замахал бабушке ручкой. Та улыбнулась, забыв мгновенно свои печали, и поспешила навстречу малышу. И тут, будто споткнувшись, Ася упала, хватаясь руками за воздух. Ей показалось, что, кто-то сильно толкнул в спину. Но позади никого не было.

– Мама! – испуганно закричала подбежавшая Севда.
– Мама! Помогите! А-а-а!

– Мама, поднимайся! – шептала младшая дочь, растерянно глядя, как под матерью расплзается лужица мочи.

– Я не м-м-могу... – с трудом ответила Ася. Вокруг стали собираться люди. Кто-то притащил из магазинчика стул. Женщину приподняли и посадили, но она сползла со стула. Дочерям пришлось поддерживать ее. Плакал, хватаясь за мамину юбку, маленький Зика.

– Что, что случилось? – слышалось в окружении их толпе зевак. – Ее обокрали?

– Нет. У бедняжки отнялись ноги...

– Вот беда так беда, – качала головой старушка с кошелкой и со знанием дела советовала, – «Скорую» зовите! Помогай Бог! Авось выкарабкается...

– Мама... мама... ну, пожалуйста, вставай... пошли домой... – бестолково шептала совсем юная девушка, – ну, пожалуйста, вставай...

ПОДКОВА ДЛЯ ЗАЙЦА

Увидел однажды Заяц, как Кузнец Коня подковал и думает:

– А-а, вот почему Конь быстрее скачет! Небось, в подковах все дело. Попрошу-ка и я Кузнеца приладить мне подковки. Меня тогда ни лис, ни пес не догонит. Таким стану резвым да увертливым!

Пришел Заяц в кузню, помялся малость у дверей, а потом исхрабрился и говорит:

– Кузнец, а, Кузнец! Приладь и мне подковы, какие Коню прилаживал. А то обидно: я ведь скорее его бегая, а он подковался и загордился!

– И что за блажь тебе в голову пришла? – засмеялся Кузнец. – Я-то подкую, мое дело кузнецкое, но ведь не в подковах дело.

Конь – конского племени. Ты – заячьего роду. Не положено зайцам подковы носить, себе дороже станет.

– А может, мой заячий род оттого и не в чести, что неподкован остался? – обиделся Заяц на кузнецовы слова и не унимался никак. – И мы, зайцы, в беге мастера, траву щиплем, хоть и зубасты, глазами косим, опять же. Все как кони. Им почет за резвость, а нам – борзые по душу. Подкуй, брат-кузнец! Буду и я, как конь, в милости.

Видит Кузнец, что не урезонить Заяца, надоел ему косою, допек глупыми речами, он и подковал его. Воротился Заяц в лес. Перед родней прохаживается – и так, и эдак! Железными подковами позвякивает, медными гвоздочками бахвалится. А как бегать станет – вот уж подивятся! Зайцы розовыми рыльцами подергивают, длинными ушами водят: неужели утрет косою нос коню? И вдруг – все в рассыпную! Будто из-под земли,

Лис вырос. Подкованный Заяц тоже стал от Лиса улепetyвать. Но тяжелые подковами лапы не несли лихую голову от напасти. Задние лапы у Зайца длинные, передние короче втрое. Пока одни в воздухе, других от земли не оторвать. Покатился Заяц кубарем. Лис – то его и прижал... Вот тебе и подковы для резвости! Эх, заяц-заяц: это коню подковы в прибыток, а зайцу – на погибель.

РУСАЛОЧКА (Протоверсия)

Только не подумайте, что речь пойдет о той самой русалочке. Вовсе нет. На самом-то деле их было много. А та премиленькая ослушница, пожертвовавшая ради любви к человеку своим чудесным хвостом и сменившая его на пару таких неудобных и непривлекательных отростков, которые называют ногами, появилась много позже нашей героини – русалочки по имени Маринида. Но и до нее почти все моря и водоемы просто кишели этими созданиями. Называли их, правда, по-разному: кого морскими нимфами, кого сиренами, кого водяными феями. Да и функции их были разными. Например, в одном городе у Северных морей, умудрились использовать окаменевших кариатид в качестве подпорок. Нелепое зрелище! Наверное, это месть потомков увлеченных сиренами мореходов. Да уж... Разные были русалки... Но одно объединяло: все они были красавицами и певуньями.

Русалочка Маринида большую часть дня проводила в уютной подводной пещере, зависшей над песчаным дном моря с замысловатым названием. (Сейчас его принято называть Эгейским). Из пещерки открывался

такой прекрасный вид! Невообразимое многоцветие коралловых нагромождений, снующие повсюду радужные рыбки, ползающая, прыгающая, скользящая морская живность, коварные притворщицы актинии, целомудренно укрывающие свои красоты жемчужницы – на все это можно смотреть подолгу и без усталости.

– ...Дельфин и Русалка не пара, не пара, не пара... – тихонько напевала Маринида, выпуская мелкие пузырьки воздуха через жаберки, спрятанные за маленькими, изящными ушками.

Ее чудесные золотисто-зеленые локоны разбегались волнами в разные стороны, когда она в такт песне раскачивала головой. Иногда по ночам. Маринида выныривала на поверхность сверкающей морской глади, чтоб полюбоваться небом, усыпанным алмазами далеких звезд. Вдалеке, на левом берегу тоже виднелись светящиеся точки. Но то были отблески огоньков в жилищах людей. Мариниде приходилось наблюдать за ними. Их действия казались суетливыми и бессмысленными. И сами люди ей не нравились – уж болько крикливые и прожорливые. Все время спорят о чем-то, похищают рыбу из их морей и таскают со дна жемчужницы. Интересно, что они с ними делают? Неужели едят? А чего стоят их ноги! Они похожи на ласты, вывернутые задом наперед и прилаженные к конечностям гигантских крабов. Маринида представила, как выглядели бы крабы с лапами на конечностях, и рассмеялась.

– Чему ты смеешься? – услышала вдруг русалочка чей-то голос за спиной. – Меня, к примеру, вид этих существ приводит в уныние.

Маринида обернулась и увидела старую каракатицу, известную брюзгу и сплетницу.

– А, это ты? Разве тебя не веселят их дурацкие ноги? Правда, они похожи на ласты? По-моему, это очень неудобно для суши.

– А как, по-твоему, удобно передвигаться по суше?

– Не знаю...

– Может быть, как кентавры...

– А кто это такие? – удивленно спросила Маринида. Странно, никогда не слышала о них.

– Полулюди-полукони. У них по четыре ноги, но без ласт. Красавцы! – оживилась вдруг каракатица. – Хочешь посмотреть? Они живут на острове в середине моря. На том, что окружен рифами и туманом.

– Но туда нельзя!

– М-м-м... – зажмурилась каракатица. – Такое дивное место! Там столько разбитых кораблей! И все дно вокруг усеяно любопытными вещицами, которыми пользуются люди.

– Как жаль, что туда нельзя...

– Это вам, русалкам, нельзя. А нам можно. Ну, бывай! Поплыла я, а ты любуйся на глупых людишек.

Когда старая каракатица уплыла, вытянув рыльце и отталкиваясь от воды короткими щупальцами. Маринида загрустила. Ей вдруг так захотелось увидеть загадочный остров с его необыкновенными обитателями! А что, если подплыть к нему поближе? Ну, хоть один рачок! Хоть краешком глаза посмотреть на тех конелюдей. Разбитые корабли и утварь, приводящие в восторг каракатицу, неинтересны Мариниде. Они так портят чудесный подводный пейзаж! Сколько труда и времени уходит, пока этот хлам не обрастает кораллами и водорослями, становясь частью морского дна! Но увидеть те существа, о которых поведала каракатица, было бы неплохо.

– Четыре ноги... Без ласт... И хвост есть! Да еще красавцы!.. – вздыхала Маринида, терзаемая недовольством запретами и любопытством. – Увидеть бы разок! Что из того?..

Так не могло долго продолжаться. И однажды, устав от сомнений и созерцания Альфа-Центавры в ночном небе, Маринида взмахнула хвостом, ускользая в пучину, и устремилась туда, где лежал укрытый туманом и окруженный рифами остров. Любопытство настолько сократило долгий путь, что Маринида оказалась у туманных рифов задолго до рассвета. А когда она, ловко ускользнула от их острых клыков, оказалась у кромки песчаного берега, едва видневшегося в пелене тумана, солнце еще только-только выбрасывало первые лучи на сизую полосу горизонта.

– А каракатица говорила, что плыть до полной луны! – размышляла Маринида. – Наверное, старушка что-то напутала. С ее-то прытью, точно, раньше и не доплывешь.

– Вернись, Маринида. вернись! – тревожно прощелкал дельфин. Он сопровождал русалочку от самой пещерки, совсем выбился из сил, едва поспевая за ней.

– Ну вот еще! – сердито ответила она. – Что ты увязался за мной? Можешь донести, не боязно мне! И вообще, я уже не маленькая!

Последние слова Мариниды очень огорчили дельфина. Разве он когда-нибудь сплетничал о проделках Мариниды? Даже когда из баловства цепляла сети рыбаков к выступам скалы, не ябедничал. Дельфин обиженно щелкнул напоследок и скрылся за остовом разбитой галеры. А Маринида вынырнула и стала вглядываться вдаль, в сторону острова. Он был укрыт таким густым туманом, что даже солнечные лучи не рассеива-

ли его, а лишь слегка растопляли по краю. Мариниде показалось, что за завесой тумана мелькнула какая-то тень. Она то появлялась, то исчезала. И вдруг, пройдя сквозь густую молочную дымку, на песчаную отмель вышел... Ах! Огромный, статный, красивый, с густой копной вьющихся смоляных волос! Это был он – кентавр!

Маринида тихонечко ахнула, потрясенная величественным видом незнакомого существа. Несмотря на журчание волн, набегающих на берег и шелест ветерка, застревающего в скалах, кентавр услышал посторонний звук и стал озираться. Он водил чуткими ушами и фыркал, как конь и грыз ноготь, как человек. Заметив за выступом рифа Мариниду, пялящую на него огромные зеленые глаза, он отпрянул от неожиданности и издал звук, похожий на негромкое ржание.

– Ты кто? – спросил кентавр, перебирая копытами.

– Русалка. Меня зовут Маринида, Я живу в этом море. А как тебя зовут?

– Ипполит. У тебя красивые кудри. И цвет подходящий – цвет свежей травы. А это еще что такое? – спросил кентавр, указывая на хвост русалочки, лежащей у самой поверхности воды.

– Как это что? – изумилась Маринида. Она даже немного обиделась. Ведь серебристо-зеленый, гладкий, искрящийся на солнце хвост всегда был предметом ее гордости. – Хвост, конечно!

– Хвост?! – вдруг громко заржал-засмеялся Ипполит. – И это ты называешь хвостом? Вот что такое хвост!

С этими словами он повернулся к Мариниде крупом и взмахнул огромным жгуче-черным шлейфом, похожим на расплетенную косу. Мариниду, конечно, восхи-

тил хвост Ипполита, но она не могла понять, почему такие роскошные волосы должны расти на, мягко говоря, задней части туловища. Однако, как русалочка благовоспитанная (хотя и не очень послушная!), она не стала задавать обидных вопросов и только неопределенно пожала жемчужными плечиками.

– А для чего он у тебя? – поинтересовалась Маринида. – Мой, например, помогает мне плавать, лежать на волнах и даже танцевать.

– А мой... – Ипполит несколько замялся, – ну... мух им отгоняю. И вообще, он красивый. Разве не так?

– Так, так! – согласилась Маринида, и, желая сгладить неловкость продолжила. – И ноги у тебя замечательные. Не то, что у людей с того берега. У них ноги похожи на вывернутые ласты. Будто задом наперед ходят.

– Как ты это верно подметила! – снова заржал-засмеялся Ипполит. – И к тому же они очень бестолковые существа. Видела, сколько кораблей на дне? И поделом! Все высматривают, все вынюхивают. Зачем вторгаться в чужие пределы? Мы же к ним не заплываем...

В какой-то миг взгляд кентавра и русалки встретились, и в нем мелькнул один и тот же вопрос. Но они оба промолчали.

– А ты мне понравилась, – продолжил Ипполит после короткой паузы. Он смотрел на Мариниду, будто изучая ее. В глубине его агатовых глаз сверкали далекие звезды. – Ты очень красивая, умная и нелюбопытная, как некоторые.

– Еще бы, нелюбопытная! А что же привело меня сюда, как не любопытство? – подумала Маринида, но промолчала. Она тоже заметила притаившуюся между

камнями старую каракатицу. Когда она успела добраться сюда?

– У тебя такая красивая походка! – промолвила русалочка, желая польстить обитателю туманного острова.

– Видела бы ты, как я бегаю! – гордо ответил Ипполит. – Жаль, не успеешь за мной, а то порезвились бы.

– Поспею, поспею! Ты скачи по отмели, а я поплыву рядом.

– Айда! – проржал Ипполит и рванулся по кромке берега, оставляя глубокие круглые следы в мокром песке. Маринида стрелой понеслась по лазоревой глади, почти не двигая телом, лишь изредка ударяя хвостом по воде и ловко обходя неожиданные препятствия. Они мчались абсолютно вровень.

– Здорово у тебя получается! – с восхищением сказал Ипполит, остановившись у входа в грот. – Какая ты резвая! Через эту пещеру можно добраться до озера внутри острова. Там я и живу. Дивное место! Хочешь посмотреть?

– Как не хотеть! – подумала Маринида, но решила, что соглашаться сразу неприлично и ответила. – В другой раз. Мне нужно возвращаться. Сестры будут беспокоиться.

– Испугалась?..

Искони русалки-певуны хозяйничали на морских просторах, вселяя ужас в души нерадивых мореходов. Правда, времена нынче иные, но уличать Мариниду в трусости не стоило. Она очень оскорбилась!

– Чего мне бояться? Показывай дорогу!

Так уж случилось, что загостилась Маринида у берегов таинственного острова. Ну, и сами понимаете,

по пояс они все-таки почти люди – что кентавр, что русалка...

* * *

– Представляешь, какие у нас будут могучие, красивые и ловкие детки? – сказала однажды Маринида, положив очаровательную головку на богатырское плечо Ипполита.

– Иначе и быть не может!

– Увидим, когда придет время жеребиться... или метать икру, – с сомнением булькнула старая каракатица, подслушав их разговор.

* * *

– И этот табун пузатой мелочи ты называешь моими жеребьями? – гневно проржал Ипполит, встав на дыбы, когда счастливо улыбающаяся Маринида оказалась из волн в окружении сотен разноцветных вертячих морских коньков. – Даже собранные в кучу, они будут не больше моего копыта!

Улыбка сползла с лица побледневшей Мариниды.

– Да, это наши с тобой жерыбьята! – растерянно проговорила она. – Правда, они не такие могучие, как ты, но зато красивые и ловкие...

– Как ты! – бил копытами Ипполит. Он был в ярости, хлестал себя по бокам разлохмаченным хвостом, шумно выпуская воздух из ноздрей и с презрением отворачиваясь от Мариниды. – Не хочу больше видеть тебя!

Сердце Мариниды было разбито, и его осколки медленно опускались на дно, усеянное останками затонувших кораблей. Она с горечью посмотрела вслед Ипполиту, скачущему в сторону густого облака тумана,

укрывающего середину острова. Сейчас это облако напоминало мрачную серо-бурую тучу. Маринида нырнула, и опечаленные волны сомкнулись над ней. Маринида уплывала от острова, увлекая за собой косячок ничего не понимающих коньков с русалочьими хвостами. Когда-то манящий, загадочный остров становился ненавистным.

– Сестры засмеют меня, – грустно проговорила Маринида, прячась в глубине своей родной пещерки. Не рассказывай им ничего, прошу тебя.

Ее слова были обращены к старой каракатице, собственно, и повинной во всей этой истории. Могла бы уж, как другие рыбы, помалкивать. Нет, нужно было ей рассказать о туманном острове!

– Не расскажу, не волнуйся, – пообещала каракатица. Но, когда знаешь какую-нибудь тайну, ужасно хочется ее разболтать, особенно чужую.

* * *

Давным-давно не стало на морях русалок и загадочных островов с их могучими обитателями. Корабли не садятся на рифы, потому что мореходы научились их обходить.

И все же, история Мариниды и Ипполита скорее забавна, чем грустна.

Ведь их потомство и доньше обитает во всех морях и океанах. А что осталось от других русалок? Если не считать единственного безжизненного изваяния одной юной глупышки, имевшей неосторожность влюбиться в человека – ничего!

«ГРАЖДАНИН СВОБОДНОЙ СТРАНЫ»

– Все учащиеся старших классов увлечены разработкой проекта «Гражданин свободной страны». В рамках проекта преподаватели составили анкету. Она, конечно, носит формальный характер, но служит своеобразным паспортом для участников, – с волнением начала молодая учительница литературы. Она еще очень неопытна. Отсюда и ее растерянность. – И посмотрите, как отвечает на вопросы анкеты этот сумасброд!

«Год рождения: год змеи. Место рождения: городской родильный дом № 4. Пол: деревянный. Род занятий: в единственном числе – средний. Социальное положение: вертикальное, устойчивое». И далее в том же духе.

– Ну, что ж, юноша неглуп и остроумен, – попыталась я успокоить разволновавшуюся учительницу. – Вообще, этот паренек большой оригинал. Его ироничность часто граничит с всеотрицанием.

– Какая ироничность?! Он просто хам! – возмущенно вскинула руки словесница. – Недавно биологичка рассказывала на уроке о птицах, ведущих ночной образ жизни. А этот нахал возьми и ляпни на весь класс: «Все ясно: ушастые совы – это жены рогатых филинов». В итоге сорван урок.

Я едва сдерживалась, чтоб не рассмеяться, А возмущенная учительница продолжала, театрально жестикулируя.

– Я рассказывала о поэзии Анны Ахматовой. Спросила потом, есть ли вопросы. И этот бесстыдник говорит: «Вопросов нет. Анна Ахматова со своей поэзией – это просто пирдуха!». Оказывается, он имел ввиду «пирдуха». Но как сказал, мерзавец!

На этот раз я не смогла сдержать смеха. Молодая словесница смотрела на меня, обиженно хлопал глазами. О Боже, она еще не знает, что наши милые дети воспитывают нас своими методами, наработанными многоопытной подростковой психологией.

– Почему Вы смеетесь? Что тут смешного? – уныло проговорила учительница, понимая, что не обрела во мне союзника. – Этот фигляр ерничает без конца и подбивает к безобразиям других. Знаете, в каком восторге от него одноклассники? Они ведь стараются ему подражать. Вот его сочинение, которое предусмотрено программой проекта «Гражданин свободной страны». Почитайте, Почитайте! Я вызвала его родителей, чтоб выяснить, насколько написанное им соответствует действительности. Как я и подозревала – абсолютно не соответствует!

Учительница протянула мне тетрадный двухлисток, исписанный некрупным, но четким почерком уверенного в себе человека. Некоторые буквы выпадавшие из-под определения «четкий» говорили об неординарности обладателя почерка. Я начала читать:

«Мариванна имела русские корни. Она была белоэмигранткой, и в 1943 году вступила в ряды французского Сопротивления. Там, среди партизан она встречала молодого француза Жюля, и через год у них родился сын. Мальчишку нарекли именем отца, а мать называла его ласково Жюликом. После войны Жюль-старший, поддавшись уговорам патриотически настроенной жены, вместе семьей вернулся на ее историческую родину. Тут их обоих арестовали и отправили в Сибирь. Жюлика-же (по метрике, Юлия Юлиевича) – в детдом. Мариванна в тюрьме померла, а супруг ее, после освобождения, уехал к себе на родину. Сына во

Францию, к презренным буржуйам, не отпустили. Покинув стены детского дома, Жюлик попал в дурную компанию и стал настоящим жуликом по кличке «Француз». В двадцать лет он гульнул с Алкой-хромоножкой, и у них родился сыночек, которого вскоре тоже приняли теплые стены детского дома, потому что юная мамаша дитяню бросила, а молодой папаша отправился по прежнему маршруту – в Сибирь. К сыну он так и не вернулся, прикипев душой и телом к тюремным нарам. К счастью, внук партизана Жюля не повторил судьбы своего отца. В нем, все-таки, текла благородная кровь белогвардейского офицера Ивана Коршунова. Он с отличием закончил советскую среднюю школу, затем Университет, далее преуспел в науке и, пережив заштурмившие лихие годы, тоже родил сына. Меня, то есть. В честь деда меня не назвали (не велика честь!). Но, как недавно выяснилось, прадед, почивший во Франции, оставил нам изрядное наследство. Так что, скоро мы, как говорится, «тю-тю отселя». Хорошо, если и во мне всколыхнется благородная кровь пращура-белогвардейца, и я стану достойным гражданином свободной страны. Но что-то подсказывало мне, что оборзю я от буржуйского наследства предка-лягушатника да и примкну к рядам громителей витрин и поджигателей автомобилей. Поживем – увидим. Аревуар, мон ами!».

– Потрясающе! – восхитилась я, окончательно выбив почву из-под ног молодой учительницы литературы, нового классного руководителя автора сочинения. – Неужели Вы еще не поняли, с кем имеете дело? Когда-нибудь мальчик станет предметом Вашей гордости. Будете говорить: «Этот писатель мой бывший ученик. Я была его классным руководителем».

– Вы шутите?.. – растерянно пролепетала учительница.

– Ни в коей мере! Такой сюжет мог закрутить только талантливый человек. Поверьте, я знаю его несколько дольше, чем Вы. Он непредсказуем, часто колюч и ядовит. Но талантлив. И это бесспорно! А Вам я посоветую изменить тактику: поведите с ним игру и постарайтесь выиграть. Клин клином вышибают.

– Как! Вы советуете мне заигрывать с этим... с этим...

– Вы не поняли меня. Относитесь к его задиристости с юмором. Неужели его выходки никогда не смешат Вас?

– Честно говоря, бывает... В прошлый раз он написал сочинение всего из трех предложений: «В Боге забытом краю жил ангел в сиреневых плавках. Тьфу, черт побери, как можно жить в забытом Боге краю?!...! Вот так и жил». Я спросила, кто же этот ангел и почему в сиреневых плавках. А он отвечает: «Молодой человек – такой пригожий-распригожий – прохаживался по пляжу знойным летним днем в очень красивых плавках. Но ни одна девушка не обращала на него внимания. А ему так этого хотелось! Тогда он снял свои новые сиреневые плавки, и все сразу уставились на него.

– Бесстыдницы! – подумал молодой человек. И снова натянул плавки. – Голый хам их заинтересовал больше, чем одетый ангел. «Так написал бы, – говорю я. Мне стало смешно, – Что же ты тремя предложениями отписался? И неясно ничего». А я и написал, – отвечает он. – Между строк. Чтобы девушек не обидеть. Я же не виноват, что Вы не умеете читать между строк!»

– Вот видите, какой он сообразительный, Даже сумел Вас развеселить.

– Но ведь учитель должен быть серьезен!

– Учитель должен быть мудрым! У Вашего ученика, например, судя по его сочинениям, такой дар имеется. Подружитесь с ним. Да и вообще, дружите со своими учениками. Они это оценят, увидите. Станут Вас уважать и будут стараться угодить хорошей учебой и хорошим поведением.

Мы еще долго говорили с молодой особой, избравшей трудную стезю педагога, но еще не знакомую с терниями этого пути. Я вспоминала и себя, тридцать лет назад.

Домой ехала в полупустой маршрутке. Но отсутствие давки и неудобств, сполна возмещалось разноголосыми трелями сотовых телефонов. Маршрутка напоминала огромную музыкальную шкатулку, крышку которой то приподнимали, то захлопывали. А некоторые пассажиры так громко и бесцеремонно обсуждали по мобильным телефонам свои проблемы, что у меня разболелась голова. Мне совсем неинтересно, кто, кому сколько должен, кому с кем предстоит встреча, у кого какие претензии к близким. Но дурно воспитанному мужчине и визгливой даме было абсолютно безразлично присутствие посторонних ушей и моя головная боль. Они продолжали шумно обсуждать по сотовым телефонам животрепещущие вопросы своего бытия. И тогда я прибегла к совету, который пару часов назад сама давала молодой учительнице: достала из сумки журнал и начала вслух читать чьи-то неважные стихи. Все шесть пассажиров моментально замолкли и уставились на меня, как на умалишенную. В салоне зависла тишина, а потом послышался смех водителя.

– Дай бог, тебе здоровья, уважаемая! Представляешь, как пухнет за день моя голова? Не столько от напряжения за рулем, сколько от этих телефонов.

Оставшуюся часть пути можно было провести наедине со своими мыслями. Шумные телефонные переговоры прекратились. Кто стал говорить тише, а кто и вовсе выключил телефон.

– И вправду, – удовлетворенно думала я, с интересом разглядывая тысячу раз виденные-перевиденные картины за окошком автобуса, – насчет клина – это здорово придумано.

НЕ СКАЗКА, НО ПРИСКАЗКА

Посмотрите, как важно ступает господин Лев? Глаза зоркие, лапы сильные, осанка величественная! Когда он неспешно прохаживается по своим владениям, длинный, упругий хвост с золотисто-серой кисточкой выгнут дугой. Когда стремительно догоняет быстроногую жертву, хвост выпрямляется остроконечной стрелой. А когда отдыхает, достаточно одного резкого взмаха, чтоб окружающие понимали – Лев отдыхает, извольте не тревожить!

Но вот уже несколько дней Лев не в духе. То ли занедужилось, то ли занеможилось. Ходит какой-то вялый да приунылый. А длиннющий хвостище волочится за ним по сухой траве, цепляясь за колючки и покрываясь пылью. Это случилось после недавней схватки с гиенами, позарившимися на добычу Льва. Одну из них хвост хлестнул по ребрам и покалечил. Вот и думает хвост, тащась за своим хозяином: «Ну, куда это годится? Долго мне еще терпеть прихоти этого «Господина»? Я ведь и сам по себе достаточно силен и хорош! Отчего

я должен мириться с настроением Льва, который ни разу на меня даже не оглянулся?» Так, молча возмущаясь, тянул хвост за своим хозяином, ударяясь о кочки и камни, марая в пыли и звериных нечистотах свою расчудесную кисточку. Но тут, вдруг, заметил он хитро припрятанную в высокой сухой траве охотничью ловушку. Это был шанс – что если удастся оторваться от постылого львиного зада?!

Хвост ловко уцепился за петлю, и она вмиг затянулась, выскочив из травы и унеся его к высокой ветке могучего дерева. Лев от неожиданности издал такой ужасающий рык, что даже муравьи вырвали из челюстей свои соломинки. Господин Лев метался и вертелся, пытаясь оторваться от петли. Но тщетно! Хвост вытянулся струной и злорадно тряс кисточкой: Вот ты и попался, «хозяин»! Все усилия Льва вырвать хвост из петли оставались безрезультатными и только причиняли боль, еще больше распаяя ярость. Звери и зверушки издали тихо наблюдали, не осмеливаясь подойти поближе: одни с сочувствием, другие с любопытством, третьи с плохо скрываемой радостью.

Попался могучий львина! Да как – хвостом в петлю угодил! Но Лев – зверь решительный. Уж лучшие остатки без хвоста, чем бесчестно закончить свои дни в какой-нибудь клетке, довольствуясь куском собачьего мяса! И он... отгрыз свой продажный хвост!

Зверье ахнуло и с того дня обуялось еще большим уважением к гривастому Льву. Отсутствие хвоста не сделало его непривлекательным. Наоборот, многие львицы, восхищенные его волей и решительностью, стали отдавать ему предпочтение. Другие звери и, особенно, потенциальная его добыча, думали так: Уж если он так с собственным хвостом расправился!..

А хвост так и остался висеть в петле. Он не мог сделать ни одного самостоятельного движения: ни выгнуться дугой, ни напрячься стрелой, ни призывно взмахнуть золотисто-серой кисточкой. Как оказалось, все его движения полностью зависели от желания хозяина. И вертелся заносчивый хвост только тогда, когда сокращались мышцы задней части могучего львиного тела!

Вот и висит усыхающий на солнце облезлый хвост. Иногда легкий ветерок раскачивает его в петле, куда он сам и полез...

ДУРНОЙ СОН

Закат приближался. Мне нравится это время суток. Точнее, его ожидание. Ожидание вечерней прохлады после удушающего дневного зноя. Сидя на влажном песке, я наблюдаю, как поверхность моря напрягается невысоким горбом и срыгивает на берег щипящей пеной и банановой кожурой. Как ему осточертели эти купальщики и ныряльщики, будто нарочно лезущие в воду, чтоб поплеваться, посморкаться, помочиться! Чайки кричат, словно торговки на рынке, перебивая друг друга и бранясь. Обленившиеся «старики» доклевывают оставленные пляжниками объедки и не обращают внимания на бродячую собаку – всем хватит.

– Ш-ш-ш-ш, – едва слышно шипит мутная и теплая вода.

Жхршх-шх-шх, – сопротивляются ракушки.

– Дрлнг-дрлнг-дрлнг, – вторят им мелкие камешки.

– Чрк-чрк-чрк, – лениво переворачиваются на другой бок камешки покрупнее. Морю так хочется отдохнуть, остыть, очиститься! Я смотрю на багряный солнечный

диск, медленно опускающейся в пучину, очерченную горизонтом и усмехаюсь своим мыслям: а ведь на противоположной стороне планеты происходит обратное действие – это же диск, но уже нежно-золотой, выныривает на поверхность океана.

Я запустил руку в мокрый песок, и ямка тотчас заполнилась влагой. А на ладони у меня, в песчаном комочке роятся десятки крошечных прозрачных рачков. Трудно представить, какое невообразимое количество этих созданий живет тут вообще. Миллионы, миллиарды, триллионы! Не знаю. Но гораздо больше, чем нас, людей – Уж точно. Природа не мудрствовала лукаво, создавая эти бесхитростные, простенькие твари. И потому они счастливее нас. Потому, что счастливы неведающие... Вот им-то я и расскажу свой недавний сон. Они все равно не поймут и не занервничают. А мне станет легче. Ведь это наваждение преследует меня все чаще. И не только во сне. Всякий раз во время выпуска новостей, где бескомпромиссный «поборник демократических принципов» с лицом проигравшегося в прах карточного шулера, сыплет угрозами в адрес упрямцев, не способных в должной мере оценить всех прелестей этих «принципов», меня передергивает от цинизма и лицемерия политика, у которого руки по локоть в чужой крови. Слизняк, дорвавшийся до власти!

* * *

Тьма рассеялась так же внезапно, как и наступила. Земля будто вынырнула из-под черного покрывала и теперь была облита ослепительным, ярким до белизны светом. Огромный, похожий на гигантский апельсин солнечный диск, в одночасье растопивший ледники, своим жаром превращал в пар закипающий океан. Еще

недолго – и прежде цветущая планета начнет напоминать иссушенный и растрескавшийся череп того сумасброда, который спровоцировал ядерное безумие... Скоро, очень скоро земная тварь выйдет на поверхность, укрытая знойными песками и раскаленными камнями. Она уподобится своей теперь уже очень близкой соседке – Красной планете. Их орбиты стали настолько близки, что опасность столкновения более чем очевидна.

Опасность? Но для кого? Ведь на Земле никого уже нет... Если, конечно, не брать в расчет одного катастрофически усыхающего бурого слизняка. Убывающей водой забросило на вершину какого-то каменного нагромождения и несчастная тварь пытается укрыться от беспощадного солнца в обжигающих стенах своей раковины. Слизняку не впервой приспособливаться к влажной жаре (пока влажной...), но такого пекла не выпадало на долю еще ни одного поколения его сородичей. Но что, если удастся? И вдруг он не погибнет? Сработает в его липком примитивном тельце заветная кнопочка и однажды унесет задраенную упругой пленкой раковину бурого слизняка на бесформенном осколке когда-то величественной и прекрасной Голубой планеты в космический беспредел, закружит, завертит и сбросит в недосыгаемой глуши иной галактики на влажную, рыхлую поверхность, защищенную необитаемостью. Каким очнется последний обитатель исчезнувшей планеты на безмолвном берегу новой гавани? Даст ли начало новой жизни? Какой она будет? Долго ли продлится?..

ВИШНЕВЫЙ ПРИЗРАК

I

Когда-то здесь цвели вишневые сады «финского городка» с белыми домиками под красной черепичной крышей. Сейчас на их месте выросли причудливые каменные крепости, которые сдаются в аренду иностранным представительствам новыми хозяевами. Почему – причудливые? Да потому, что представляют собой архитектурный каламбур, синтер евразийского строительного сюра. Представьте себе миниатюрный готический собор с элементами буддийского храма, знаменитыми арабскими арками, греко-римскими статуэтками и затейливым персидским орнаментом. Вот такие дорогостоящие «шедевры», укрытые глухими заборами, громоздкими воротами и всевозможной чудо-сигнализацией. В бытность здесь «финского городка» заборы были деревянные, увитые плющом и жимолостью, настолько невысокие, что виднелись окна с коротенькими белыми занавесочками, крылечки с фикусами в кадучках и бельевые веревки с гирляндами штанишек, ночных сорочек, детских пеленок и армейских гимнастеров. Трудно поверить, что относительно недавно, когда время еще не набрало скорости, это место считалось городской окраиной. Тогда его называли «у северных ворот». Потому, что на противоположной стороне находились ворота «закрытого» военного городка. Они и сейчас есть, эти ворота. Но закрывают лишь въезд в войсковую часть – знаменитые Сальянские казармы. Тбилисский проспект разделял два военных городка и завершался (или начинался) сетчатым металлическим щитом с четырьмя магически притягательными буквами – символами «БАКУ». Этот простенький щит с та-

ким родным и бесконечно любимым именем исчез еще раньше, чем вишневые сады и черепичные крыши «финского городка». Город невероятно разросся – вширь, ввысь, вглубь.

Знаменитые бакинские ветры, расшибаясь о новые «высотки», растерянно затихают, а затерявшие над городом тучки окропляют его мутными каплями кислотных дождей. Аромат акаций и жимолости сменили запахи автомобильных выхлопов. Однако, несмотря на все это, Баку не стал менее привлекателен для современников. К нему по-прежнему стремятся, его жаждут и желают самые разные представители человечества. Но любят ли...

* * *

Во дворе капитана Ахундова тоже росли вишневые и абрикосовые деревья, а в доме – четверо детей. Целыми днями его жена, Маиса, носилась по двору, гремя ведрами, стуча шваброй, крича на детей, кур, пса и кота. Она никогда не молчала. Разве что во сне. Хотя об этом мог знать только ее супруг. Маиса даже думала вслух. Поэтому секретов ей никто не доверял. Даже самых маленьких. Так, на всякий случай. Однажды Маиса сшила себе черное крепдешинное платье. Платье получилось удачным и очень ей шло. И тогда она стала несколько лет подряд шить себе платья из такого же материала, цвета и покроя. То, что постарее, она донашивала дома, а новое надевала в гости. Люди не очень близкие думали, что у бедняжки всего одно платье и сочувствовали ей. А те, кто знал чудачку, сочувствовали ее мужу. Наверное, по этой причине и не осуждали особенно, когда поползли слухи о том, что завел-де, капитан себе кралю на стороне. Красивую, образованную,

холенную. Не в пример его клуше – крикливой, растрепанной, от которой пахнет хозяйственным мылом и скипидаром (им прежде выводили клопов и тараканов). Но слухи – вещь особенная. Их не пресечешь поворотом выключателя на радиоприемнике. А еще им свойственно обрастать подробностями, щекотливыми деталями и бесцеремонно вторгаться в чужую жизнь, коверкать и разрушать ее. Стараниями «доброжелателей» дошли они и до Маисы. Супружеские разборки, ставшие вскоре обычным делом, завершались кратковременным перемирием, во время которого Маисины фингалы едва успевали блекнуть. Но, видно, здорово вскружила белокурая зазноба голову тридцатидвухлетнему красавцу-капитану: вернувшись однажды с субботнего дежурства, объявил он Маисе о решении развестись. Что тут началось! Крики рвущей на себе волосы женщины смешались с воплями и плачем четверых детей (разница в возрасте младшего и старшего составляла всего три года), грохотом алюминиевых кастрюль и визгом побитого пса. Капитан выскочил на крыльцо с маленьким кожаным чемоданчиком, подбежав к мотоциклу, забросил чемоданчик в люльку, запрыгнул в седло и рванул в неизвестном направлении.

Неизвестным направлением оставалось недолго. Очень скоро координаты нового места жительства капитана Ахундова были сообщены Маисе все теми же «доброжелателями». В тот же день она выросла на пороге соперницы, яростно молотя дверь кулаками. Результаты этого визита были в прямом смысле налицо: нежное лицо разлучницы в один миг оказалось «вспаханым» короткими, но крепкими когтями, глубокие красные борозды пролегли по обеим щекам, а левый глаз украсил фонарь не слабее того, что светился на ле-

вом глазу самой Маисы. Когда их разняли сбежавшиеся на шум соседи, Маиса победоносно сжимала в одной руке прядь завитых волос, в другой – оторванный ворот изящного китайского халатика.

Как выяснилось, внутри даже такой «клуши», как Маиса, может дремать лев. То есть львица. Разъяренная львица – Маиса на том не остановилась. Еще через день, облачившись в выходное черное крепдешинное платье (помните, я говорила о нем в начале?), она направилась в войсковую часть, где служил ее заблудший муж – прямо к начальнику политотдела! Это сейчас может показаться смешным и нелепым, но в те времена моральный облик советского офицера блюли на самом высоком уровне. А начальник политотдела – тот же серый кардинал, который, по сути, был не менее главный, чем самый главный военный чин.

– Та-ак, – сурово сверля серыми глазами сникшего капитана, строго протянул майор Хайруллин. – Уговорил я твою супругу не писать никакого заявления. Можешь не благодарить. Но учти: еще одна жалоба с ее стороны – пиши рапорт об отставке! Ты советский офицер, а не какой-нибудь аморальный буржуй. Возвращайся в семью, расти детей... И все прочее. Иначе – рапорт на стол и фью-ють! Все понял?

– Так точно, товарищ майор!..

– Свободен! И запомни: моральный облик советского офицера и Шур-мур-лямур несовместимы. А семья – это свято! Понял?

– Так точно, товарищ майор!..

– И чтобы без рукоприкладства! И чтоб не куролесил! Понял?

– Так точно, товарищ майор!..

Не думаю, что «моральный облик» и начальника политотдела был настолько безупречен, что открывал ему прямой путь на иконостас. Он и выпить был не дурак, и чужих жен за бока пощипать не прочь был. Поговаривали, что и у самого Олега Шаймардановича на целинных просторах парочка деток подрастает (армию частенько на помощь хлеборобам забрасывали). Однако «Моральный кодекс строителя коммунизма» в части «Образцовый семьянин» для офицера был, действительно, свят. Так или иначе, пусть и не без лицемерия и фальши, но начальнику политотдела удалось сделать то, чего не удавалось родне и друзьям: капитан Ахундов смирился с ношей в виде семьи и пожизненной заботой о растущем потомстве.

Отношения капитана с женой определились общественно-семейным долгом. Связь с любимой женщиной пришлось разорвать во имя военной карьеры и четверых детей.

Забегая вперед, скажу, что дети эту жертву вполне оправдали, и стали его гордостью в старости: старший сын, нефтяник, женат на сибирячке, там, в Сибири, и живет, окруженный уважением служащих нефтяной компании. Дочери стали врачом и учительницей и тоже живут в других республиках. Ах, нет, в других странах – пятьдесят лет назад капитану Ахундову, подпирющему своими понами военную мощь Великой Страны, такое и в дурном сне не привиделось бы!

Но ничего не поделаешь: ностальгия по прежней жизни и сожаление об утраченной давней истории, боль и горечь истории недавней сменились тихим негодованием старого ворчуна, утирающего слезу при виде заграничных экскаваторов, бойко роющих котлован на

месте его старого дома. Так, ничего, просто соринка в глаз попала...

II

– Откровенно говоря, я не сомневался, что мы надолго расстались, – отодвинув папку с документацией, произнес начальник тюрьмы полковник Азиз Ахундов (да-да, тот самый, отрада старика Ахундова, его младший сын!). – Но, признаться, не сразу поверил, что ты к нам с «трупом на шее» вернешься. Как же так, а, заключенный... Азиз Ахундов? не верится...

– Придется поверить, гражданин начальник, Простите, господин начальник, – невысокий, седой, худощавый мужчина стоял, как и полагается перед ним, держа руки за спиной. У него был усталый, отрешенный взгляд. – Вы же сами говорили всегда, что от грабежа до убийства, как от любви до ненависти, один шаг.

– Не вижу причин для шуток, – свел брови начальник тюрьмы. – И все-таки что-то в твоём деле не вяжется. Слишком складно все. Признался сразу, не отпирался. Трезв был... и без мотива...

– А зачем мне мотив? Я не Лучано Паваротти, так пришёл, без распевки.

– Азиз, я тебя не первый год знаю, не рисуйся. Ты не настолько глуп, чтоб на пятнадцатилетний срок без причин пойти. Человека убить – не муху прихлопнуть, – начальник тюрьмы смотрел прямо в полуопущенное лицо заключенного, и от его взора не ускользало ни малейшее движение губ или глаз.

Тот, кто стоял перед ним, свою стезю избрал в неполных семнадцать лет, когда спутавшись с воровской компанией впервые попал в колонию для несовершеннолетних. Из последующих сорока лет он пробыл на

воле в общей сложности всего семь лет. И вот, сейчас вновь осужден. На сей раз за убийство. Но полковник Ахундов своих подопечных видел насквозь.

– А он не человек был, начальник, сами знаете. Какой же Манаф человек? Потрох сучий...

– Вот-вот, и ты без причин его замочил? Я ваши порядки знаю. Не вяжется тут что-то.

– Отчего же без причин? Сам он на меня с ножом полез, по матери ругался... А я, как раз, не в духе был.

Вечером полковник Азиз Ахундов, сидя в глубоком кресле, рассказывал своему отцу, отставному полковнику Ахундову, о беседе с заключенным, который, по иронии судьбы, был его полным тезкой.

– Расколлот-таки я его, отец, – задумчиво продолжал Ахундов-младший. – Редко кто из моих подопечных может вызвать жалость или сочувствие, сам знаешь – те еще гуси! Но то, что я услышал сегодня, потрясло меня... Ума не приложу, что делать... Я обещал ничего не предпринимать, да не знаю, насколько это правильно. И еще обещал держать в поле зрения того пацана, сына убитого. Этот Азиз большую часть жизни провел за решеткой и сейчас получил пятнадцать лет за убийство... которого не совершал. Зашел, говорит, к Манафу (тот недавно освободился) «за жизнь поговорить», а он в стельку пьяный, с ножом на жену кидается, сквернословит, мальчишке такую оплеуху влепил, что у того кровь текла из носу – за мать заступался. Жена кричит, пытается пацана из кухни вытолкнуть, у самой рука в крови, успел муженек полоснуть. А мальчик вдруг из ее рук вывернулся, со стола кухонный нож схватил и двумя руками всадил в родителя. Манаф рухнул на пол, а он стоит над телом, зубы стучат, руки дрожат. Тут только ошалелая женщина заметила вошедшего Азиза.

Когда стало ясно, что Манаф мертв, она бросилась перед Азизом на коленях ползать, ноги ему обнимает, плачет, просит не выдавать ребенка! Она, говорит, скажет, что сама мужа порешила, на себя возьмет. Только пусть Азиз не выдаст!

– Мне двенадцать лет было, когда отец нас с матерью бросил и ушел к другой женщине, – рассказывал Азиз. – Я тогда чуть не покончил с собой, ведь думал, что отец любит меня больше жизни. Наверное, тогда и умер во мне послушный и ласковый ребенок. Мое сердце стало наполняться неверием и ненавистью. Мать, бедная, из кожи лезла, чтоб я рос в достатке и поскорее забыл отцовское предательство. Я считал это предательством!

Все мои мысли занимали лишь чувство своей неполноценности и картины жестоких сцен расправы. Со временем планы мести покинули меня, оставив пустоту, в которую очень скоро нашли дорогу ребята с кастетами и ножичками. Они быстренько научили меня, как надо жить, исключив все «не». И сразу стало легко: плюй в колодец, рой другому яму, укради, обмани... убей... Первый инфаркт мама получила, когда я попал в колонию, второй – когда через год освободился. Умерла... Ей еще сорока не было. С отцом так ни разу и не встретился. Да и не хотел уже. Что на меня тогда нашло? Нет, это не жалость была – она мне, что чужая тетка. Но в мальчишке я вдруг себя увидел. Зачтется мне на том свете, а, начальник?

– Ты веришь в него?..

– Если б верил, не грешил бы по-черному. Я был согласен с женой Манафа, что жизнь ее сына будет поломана, попади он в колонию. С другой стороны, останься он и без матери – вовсе пропадет. Вот и решил взять на

себя убийство ее мужа. Велел ей забрать сына и бежать к сестре. Она, мол, от побоев пьяного мужа убежала и ничего не видела, что дальше было. Меня-то уже ничем не проймешь, ни назад, ни вперед дороги нет... увяз по горло, тьма кругом... А пацану – жить! Трудно будет, правда, с этим... Но, может, время все поставит на свои места. Ему сейчас настоящее мужское слово нужно, чтоб дальше не покатылся. Помогли бы еще, а? Вы хороший человек, мудрый. Такие всем нужны. Не то, что я. Я к нарам пупом прирос, душой приклеился (смеется). Мне тюрьма – дом родной. Другого дома и нет давно. Вот, через пятнадцать лет, коли доживу, выйду – авось, Манафов сын куском хлеба старика одарит...

Отставной полковник Ахундов слушал сына молча, глядя куда-то в сторону.

– Так точно, товарищ майор!.. Так точно, товарищ майор! – стучало в голове. А перед глазами кружили лепестки отцветающей вишни. Вишневый призрак больно ущипнул за сердце.

– Хорошо, что «вышку» отменили, – наконец, тихо произнес он. – Хотя, что за радость в такой жизни.

– Так что же мне делать, отец? – помолчав несколько секунд, переспросил сын.

– Оставь как есть... Мальчишку бы не упустить. Надо помочь. Тут без психологов и невропатологов не обойтись. И по-человечески...

– Ох и задал мне задачу этот Азиз! – Тот еще фрукт! Поставил мне мат своей исповедью, а после стал рассказывать о доме, где в детстве жил. Про вишневые и абрикосовые деревья во дворе, про черепичную крышу. Оказывается недалеко от нашего старого двора жил когда-то. После переехали, когда родители расстались.

Рассказывал, как рубил деревья, которые вместе с отцом сажал. А они в цвету были, плакали...

– Ты сходи завтра на кладбище, к матери, сынок...

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ

Яблоня стояла вся усыпанная желто-розовыми плодами. Яблочки – одно к одному! Будто из воска вылеплены, так хороши, что и не сказать. По двое, по трое, а то и по четверо жались они друг к дружке, тесня литыми боками, пригибая к земле тяжелые ветки. Кто не глядел на яблоню, глаз отвести не мог. А яблочки нового урожая перешептывались о скором сборе.

– Лучше, если в плетеные корзины.

– Да-да, а дно душистой соломкой выложат.

– Порозовее – в одну корзину. Пожелтее – в другую.

– И чтоб черенки с зеленым листочком были.

Можно и с листочком, а можно и так.

– Ну, собрали, уложили, развезли. А дальше-то что? – спросило розовобокое яблочко у своей соседки.

– По-разному: на стол подадут, пирогов напекут, варенья, киселей наварят. А кого и подсушат на зиму. Плохоньких – на уксус. Медовеньких – на патоку. Чего только не наготовят! – отвечало налитое яблочко, кокетливо подставляя солнышку гладкий бочок.

– То есть, как это – наготовят?..

– Ну, тебя-то свеженьким съедят. Уж больно ладное!..

– Меня?! Съедят?! – задрожало от негодования розовобокое яблочко. – Такую красоту зубами грызть станут?!

Оно покрылось испариной от мысли, что будет, такое пригожее, хрустеть на зубах и исчезнет в чьей-то

утробе. Нет, невозможно, недопустимо! Капелька влаги, побежавшая по нежно-восковой напыли, покрывающей его гладкие бока, помогла яблочку скатиться с аккуратно уложенных горкой плодов. Оно упало в невысокую мягкую траву и убежало по склону в небольшой овражек. А там очень удачно застряло под корягой, среди сухих лишайников и теплого мха.

Много дней и недель пролежало чудесное наливное яблоко, укрывшись замшелыми ветвями невесть когда упавшего дерева. Еще долго доносились до него громкие голоса, смех и песни сборщиков плодов.

Прошло время, и ветерок стал подразнивать его запахом прелых листьев и дымка: сад готовился к зиме. А собранный урожай пополнил зимние запасы. До самой весны будет он радовать хозяек и гостей сладкой начинкой в пышной сдобе, ароматным янтарным вареньем на фарфоровых блюдечках, покрытыми сахарной глазурью ломтиками в хрустальных вазочках.

– Что за радость быть съеденным? Превратить такую красоту в снесь? А пусть и в лакомство – все равно возмутительно! – розовобокое яблочко знало себе цену. – Брр! Меня – на джем? Никогда!

Так и пролежало яблоко в овражке под корягой всю дождливую осень и снежную зиму. А весной по овражку побежал ручеек талой воды, подмыл под старым деревом канавку и вынес яблочко на влажный песок. Оно сначала испугалось, что кто-то заметит, и подберет его – такое расчудесное! – да и съест. Но ничего такого не произошло.

Было даже удивительно, что полевка, однажды заметившая его, обнюхала и, недовольно поведя носом, убежала. А после одолел настоящий страх: на длинной сверкающей паутине откуда-то сверху опустилась на

яблоко... желтая гусеница! Но, поползав по нему немного, быстренько стала карабкаться обратно вверх. На смену страху пришло недоумение: отчего гусеница, наводящая ужас на весь яблочный мир, не стала вгрызаться в него своими отвратительными челюстями?

– Что это? Гриб? – послышался вдруг чей-то голос.
– Да нет же, яблоко подгнившее. Ха-ха-ха! противное какое, почернело, сморщилось. Наверное, еще с прошлой осени валяется тут.

ОТПЕЧАТОК ТРЕХ ВЕКОВ

Тело почтенной тетки Юстинианы было таким ветхим, что моментально затекло во все пустоты глубокого квадратного кресла, отчего она и сама принимала форму квадрата. Медленно передвигаясь по комнате, загребая воздух правой рукой, она напоминала незаполненный до конца дряблый кожаный мешок, в котором многие десятилетия назад потерявшая упругость еще более дряблая мышечная масса перетекала из одной стороны в другую. Эта масса каким-то чудом держалась на костях, а кости непостижимым образом не рассыпались.

– Сколько ей лет? – спросил я у Раськи, праправнучатого племянника тетки Юстинианы.

– Затрудняюсь ответить. Говорит, что утирала подолом нос самому Кайзеру Вильгельму, – усмехнулся Раська. – В остроумии ей не отказать. Все остальное – перед глазами. Но ум ясен, а язык что твой «Калаш».

– Зачем она носит такие тяжеленные серьги? Мочки до плеч оттянулись – а все туда же.

– Э-э, она и спит в них. Подарок первой любви и последнего мужа. Она в юности была влюблена в мальчишку, который носил овощи с базара для их кухарки.

Во второй раз встретила его восьмидесятилетним вдовцом и персональным пенсионером (отставная партийная номенклатура). Тетка Юстиниана к тому времени и сама двух мужей схоронила. А через год и этот помер. Погоревала, погоревала и с тех пор дала обет безбрачия. В конце семидесятых, когда ей было восемьдесят...

– Так ей уже за сто?!

– Если так дальше пойдет, и за двести наступит. Помоему, смерть забыла о ней. А вообще, она прикольная старушенция, с ней не соскучишься. Информационный блок, ходячая энциклопедия!

– Не мудрено при такой затяжной жизнестойкости. Юстиниана – это ее настоящее имя или как?

– Настоящее. Наверное, ее так древнеримский легионер нарек во время первого палестинского похода.

Тут мы заметили, что субстанция, заполняющая квадратное кресло тетки Юстинианы едва заметно всколыхнула складками допотопного когда-то синего сатинового платья. Старушка приоткрыла глаза и сфокусировала на нас свои обесцвеченные годами глаза. Интересно, какого они были раньше цвета?

– Когда-то они были синие... – тихо произнесла женщина.

У меня от неожиданности похолодели внутренности: старуха читает мысли! Но я тут же успокоился, поняв, о чем идет речь. Она продолжила, – я говорю о васильках на обоях. Выгорели...

– Добрый день, тетя Тина, – учтиво заелозил Раська. – Извините, мы потревожили Вас.

– Зря волнуетесь, молодые люди, меня уже давно ничего в этом мире не тревожит. Зажилась...

– Не говорите так, тетя Тина. Вы наша гордость! Не каждый похвастается, что родился в XIX, прожил весь XX и ... – Раська замялся.

– ...и умер в XXI веке, – продолжила за него старушка. – Что же ты замолк?

– Я, конечно, реалист, – заговорил взбодренный ею Раська, – все когда-нибудь умирают. Но буду искренне рад каждому последующему году Вашей жизни. Вы же можете заявку в Книгу Гиннеса подавать!

Последние слова юноши рассмешили почтенную Юстиниану. Ее смех поразил меня – он был так чист и звонок, что я невольно вздрогнул. Это был смех молодой, полной жизни женщины, а не той, что сидела перед нами и напоминала отпечаток трех веков.

– Тетя Тина, – обратился я к ней, восхищенный переливчатым смехом, источающим жизнь. – Вы так звонко смеетесь, что трудно поверить в ваш возраст. Будто колокольчик!

– «Мой волшебный колокольчик», – так называл меня папа... – вздохнула старушка и замолкла.

– Извините, – спохватился я и чуть сам не рассмеялся, вообразив, какую античную древность мог представлять собой батюшка этой долгожительницы, будь и он жив сейчас.

– Это мой однокурсник, Таир, – наконец, представил меня Раська. – Я много рассказывал ему о Вас. Очень захотелось вас познакомиться. Тем более, совет такого мудрого человека необходим этому придурку: девушка его, видите ли, бросила, страдает!

– Лет пятьдесят назад была в моде песенка с такими словам, – древняя Юстиниана снова вперила в меня свои почти прозрачные глаза, – «Если невеста уходит к другому, то неизвестно, кому повезло». С другой сто-

роны, мифический единорог был свиреп, ревнив и недальновиден. Единственная измена подруги (отсюда и единственный рог) привела к вымиранию вида. Олень гораздо меньше привередлив. Периодически обновляя рога, он обласкан эволюцией.

Короткий монолог старицы вызвал у Раськи приступ такого дурацкого хохота, что он чуть не захлебнулся излишками воздуха в глотке.

– Ну-ну, оборжался до икоты, – ткнул я его в бок кулаком. – А рассказать, как на днях девчонки провели? Как проторчал под дождем два часа? Как потом подарили тебе фотку с твоей мокрой тюленьей рожей?

– Ладно, не дуйся, – Раська поспешил замять тему неразделенной любви. – Тетя Тина дала тебе сразу два ценных совета. Оба вполне приемлемы. Я же говорил – это клад, а не женщина. Представляешь, заявили к ней, недавно из Германского посольства. Наш сосед там работает, рассказывал о ней. Предлагали выезд в фатерлянд и массу льгот и почестей. Но тетя Тина отказалась. Патриотка! А вот Мишка Эрде еще десять лет назад уехал.

– Прохвост он, твой Мишка! – возмущенно хлопнула рукой о подлокотник тетя Тина. – Какой же он немец? Я ж говорила вам, что «Эрде» не фамилия, а инициалы – «Р.Д.» Предка его бочара, звали Роман Дрюкин. Он на бочках вензеля выжигал со своими инициалами. Разбогател малость, стал поставщиком тары для немецкой рыбной артели. Так к нему «Эрде» и прилипло. Теперь, вот, праправнукам стодилось. Для аферы. Повезло, что созвучно с немецким словом.

– «Земля», – кивнул я, стремясь показать свою осведомленность.

– Verstehen Sie Deutsch, Yüngling? – улыбнулась женщина.

– Etwas.

– А я уже стала забывать... – задумчиво протянула старая фрау. Помолчав несколько секунд, она продолжила тихим, убаюкивающим голосом древней сказительницы. – Старость предупреждает о своей близости не болезнями, а все чаще возникающими в памяти картинами детства, тоской по старому дому, радостью которую испытываешь, наткнувшись на какую-нибудь милую сердцу вещицу. А знаете, как напоминает о себе смерть? Смертью других...

– Что с Вами, тетя Тина? – с искренней тревогой спросил Раська. – Впервые слышу от Вас разговоры о смерти.

– Это оттого, что я стала рассуждать вслух. Последнее время мне частенько кажется, что душа болтается в пустоте, как вода в невесомости. До сих пор удавалось поймать и запихнуть ее обратно в сосуд. Дурной сигнал. Для меня, разумеется. А что это Хаджи-Муршуд за внуком с ремнем гоняется?.

– Третий день уже, – засмеялся Раська. – Алишка уверяет деда, что люди произошли от обезьян. И ты, говорит, дед тоже. А дед-то недавно из паломничества вернулся. Втолковывает внуку, что в обезьян Бог превращает неугодных Ему. Никак не могут выяснить, кто прав.

– Оба, – утвердительно кивнула головой тетя Тина. – Скажи им, пусть не ссорятся: сперва Бог сотворил обезьяну, а после из нее образовался человек. Гладко сказала? И по науке, и по писанию. Что до меня, я склонна считать человеческие существа космически-земным гибридом. Не очень удачным. Однако, легко

отрекся Хаджи-Муршуд от своих прежних уверований. Он ведь прежде, как я помню, учителем биологии был.

– По-правде говоря, и я бы предпочел видеть своим предком более достойное существо. Никогда не любил обезьян, – сказал я, чем, кажется, доставил удовольствие старушке. Она закивала головой.

– Да-да, и я их всегда считала препротивными тварями. Не поверьте, но даже крысы кажутся мне менее омерзительными.

Мы еще долго говорили об обезьянах, то отвергая теорию Дарвина, то уступая ей. Говорили еще о многом и раскланялись довольно поздно, поймав себя на мысли, что для такого старого человека долгие беседы утомительны.

– О чем вы говорите, молодые люди! Непростительно терять время на тихую дрему в моем возрасте. Приходите почаще. Я знаю столько всяких историй! Не уносить же мне их с собой на тот свет. Вот и фрау Хильда зачастила, чуть ли не каждый вечер навещает. Сидит, молчит, улыбается... Видно, и впрямь совсем мало времени осталось...

– А кто такая фрау Хильда? – поинтересовался Раська. – Не припоминаю, чтоб мы с ней встречались.

– Фрау Хильда – моя нянечка. Милейшая была дама. Правда, строгая очень. С недавних пор стала появляться тут. Усаживается в кресло и смотрит на меня. Ласково так смотрит, как в детстве, – заметив недоуменный взгляд Раськи, тетя Тина добавила, – Да ты не пугайся. Я не спятила.

Мы договорились навестить тетушку Юстиниану в субботу. Но не суждено было: не зря фрау Хильда «зачастила» с визитами... Через два дня Раська сообщил мне, что тетя Тина умерла.

– Будто уснула в кресле...

Ее похоронили по христианским обычаям, поминали по мусульманским. Сам Хаджи-Муршуд с готовностью согласился читать «ясин» по усопшей соседке каждый четверг. И хотя я виделся с покойной лишь один раз, но и меня огорчил ее уход. Я сожалел, что не был знаком с ней раньше и не успел выслушать ее замечательные истории, но решил для себя, что когда-нибудь напишу повесть о прохвосте Дрюкине, о мальчишке, разносчике овощей, ставшим большевистским деятелем, о мудрой тетушке Юстиниане, перепрыгнувшей через двадцатый век, будто через мутный ручеек.

УПОКОЙСЯ С МИРОМ!

– Ну что ещё? Чего вопишь? Помер? Помер и помер. С кем не бывает? А орёшь, будто воскрес кто, а не преставился. Дед твой ни одного дела до конца не довёл за девяносто пять лет. И прежде, помнится, помирал. Раз пять. Да так до конца и не помер. Даже этого по-человечески сделать не может. Ладно-ладно, не реви. Ты ему чачи в горло накапай. Глядишь, передумает. Бабкина чача кого хочешь поднимет.

– ..?..

– Я не о том, дура! Я сказал «кого хочешь, а не у кого хочешь». Одно на уме. У неё дед помер, а ей неймет-ся, кобыле. Погоди, дай хоть на погост снести мужика-то.

– ..!..

– Разомкни уши, каракатица! Погост, а не «помост»! Какого ещё попа E? Нефиг мне на батюш водить, мне их ветром в окно не надувает. Да и дед твой еще тот нехристь был. Отпевать? Да его отпивать в са-

мый раз, а не отпевать. Зови бабу, сама обмоет, сама и в путь снарядить. А я что? Я – зять, что с меня взять. Мне и вас, живых, по темя хватает. Сами упаковывайте свою рухлядь. Уважать покойника, говоришь? За что ж его уважать? За то, что свою пенсию пропивал да моей зарплатой закусывал тридцать лет? У зятя жил, а хату непутёвому сыну отписал! Ну и что, что погорелец? Он и дедов дом спалит к ядрене фене. Верно бабу говорит – кочерыжкой зачатый. Кол осиновый твоему деду в самый раз, а не крест на могилу!

– !

– Нет, не стыдно! Ты сама не кричи, разбудишь покойничка – ещё тридцать лет будет мне шею своим задом натирать. И вообще, я на службе, не занимай телефон...

– ..?..

– После дежурства и приду. А деду не всё равно? Не вопи, говорю. «Ой, дедушка, ой родненький!»! Человек за всю жизнь одно доброе дело сделал – помер – сглазишь ещё. «На кого ты нас покинул!»! На меня, на кого ещё. Надо же, как голосит. Как корова недоенная.

По мне бы так не причитала. Поискала б лучше дедову заначку, пока его сынок-дармоед не появился.

– ...

– Как же! Нет у него заначки! Сам слышал, как они с бабушкой на днях из-за брюликов базарили. Так-так, значит Брюликов – это фамилия дедова дружба... Бабу приревновал? Вот те раз! В обед сто лет, а туда же. А не разыскать бы тебе того Брюликова? Как зачем? Самый раз бабу пристроить. Хотя, не надо. Не то и этот ко мне прямиком примаком.

– !!!

– Что-о-о?! Очнулся?! Я кретин, я подлец, я мерзавец, я сволочь распоследняя – каюсь! Всё сделаю – поминки, попа, лимузин, как невесту цветами осыплю! Моли его богом, пусть помирает обратно. Дедуля, миленький, не допусти до греха, упокойся с миром, помирай сам, пока зять не порешил!

СОДЕРЖАНИЕ

В ряду лучших. – Э.А. Алиев.....	
Большой мастер малого жанра. – А. Хакимов	
Птица счастья гнезда не вьет	
Подари мне колечко.....	
Край неба за барханами.....	
Именем козы.....	
Чудачка Пакиза	
Бяка.....	
Не отпустит тебя Бырайту!	
Почему у верблюда нет крыльев	
Верная подруга.....	
Черный ослик, белый ослик.....	
Держи вора!	
Тезка	
Соседство	
Прощение отменяется.....	
Карамультук почтенного кази	
Эволюция: I. Первая любовь	
II. Пища духовная	
III. Рожденный вперед ногами.....	
IV. Познание продолжается.....	
Черное платье в белый горошек	
Подкова для Зайца	
Русалочка	

«Гражданин свободной страны»
Не сказка, но присказка
Дурной сон
Вишневый призрак
Яблоко от яблони
Отпечаток трех веков
Упокойся с миром!